БЕЗ СОХРАНЕНИЙ

ЦЕНА ХОДА

АЛЕКСАНДР ФРОСТ

Александр Фрост

Без сохранений. Цена хода

«Автор»
2026

Фрост А.

Без сохранений. Цена хода / А. Фрост — «Автор», 2026

Он выиграл сражение, которое не имел права выиграть, — и этим нажил врагов опаснее двадцати пяти тысяч пиратов.Генерала флота Галактионова вызывают в столицу Империи. Не под трибунал и не за наградой — с материалами. В его багаже бумаги, за которые на этой неделе уже умерли четверо, и список фамилий, который он своей рукой разослал всем двенадцати великим родам.В столице не стреляют. Здесь решение принимают за сорок часов, отказ приходит через сорок суток, а человека стирают еженедельной подписью под формулировкой, в которой нет ни слова неправды. Гальцев умеет ломать правила боя. Теперь ему предстоит разобрать по винтикам правила канцелярии.А потом Совет Двенадцати даст ему четыре сектора, сорок обитаемых систем, две тысячи транспортных маршрутов — и право просить корабли у тех, кто их не даст.По ту сторону — тот же противник. Он никогда не повторяется. И в этот раз он намерен обыграть Гальцева так, чтобы в сводке потерь не оказалось ни единой строки.

© Фрост А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Сорок шесть 6
Глава 2. Входящий номер 15
Глава 3. Категория А 23
Глава 4. Опись 32
Глава 5. Семейно 40
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Александр Фрост
Без сохранений. Цена хода

Без сохранений
Книга вторая. Цена хода
Автор: AlexGrand

Глава 1. Сорок шесть

«Командующий, вы просили напоминать раз в сутки».

Я открыл глаза и минуту лежал, глядя в потолок, пока вспоминал, где я. Потолок был низкий, кремовый, с мягкой подсветкой по краю. Не мостик, не каюта на «Терпении». Пассажирский лайнер «Сиверна», каюта первого класса, которую сектор выделил отстранённому генералу, потому что кают второго класса на лайнере не было.

— Напоминай.

«За прошедшие сутки я проверила собственное молчание по восьми темам. По семи инициативные сообщения есть, отклонений от среднего нет. По восьмой, снабжение и учёт, по-прежнему ноль. Новых провалов не появилось».

— Хорошо.

«И ещё одно, не по проверке. Сегодня генералу флота Галактионову исполняется сорок шесть лет».

Я полежал ещё немного.

Мне двадцать восемь. Мой день рождения в марте, и в последний раз я отмечал его в квартире на седьмом этаже, с пиццей и тремя друзьями, один из которых уснул на диване в одиннадцать вечера. Колени у меня тогда не хрустели. Спина не ныла по утрам так, словно ночью на мне кто-то спал.

А сегодня мне сорок шесть, и я узнаю об этом от искина.

— Сейв, — сказал я. — Двадцать три дня назад мне было двадцать восемь. Сегодня сорок шесть. Тебе не кажется, что для одного месяца это перебор?

«Я не располагаю данными о том, сколько вам было двадцать три дня назад, командующий».

— Располагаешь. Ты сама говорила, что знаешь с первых суток.

Пауза была короткой, но я её заметил.

«Я знаю, что вы не он, — сказала Сейв. — Я не знаю, сколько вам лет. Вы ни разу не говорили. Теперь сказали. Двадцать восемь. Я внесу».

— Не надо никуда вносить.

«Я внесу в собственную память, не в журнал. Это разные вещи».

Я сел. Колени хрустнули, оба, громко, как в первый день. За три недели я так и не привык к этому звуку. Наверное, никогда не привыкну. Галактионов, видимо, тоже не привык, просто перестал замечать.

Сорок шесть лет. Если считать по-честному, я прокачал восемнадцать лет за двадцать три дня. Ни одна игра так щедро не раздаёт опыт.

В дверь постучали.

Кастен вошла, не дожидаясь ответа, как входила все эти три недели: она стучала, чтобы предупредить, а не чтобы спросить разрешения. В руке у неё была кружка. Обычная флотская, серая, с отбитым краем, явно не из сервиза лайнера.

— Доброе утро, генерал.

— Доброе утро, Ирма.

Она поставила кружку на столик у койки и отошла к иллюминатору. За иллюминатором была чернота с редкими звёздами: мы шли от Северного узла к Сорели вторые сутки, и смотреть там было не на что.

Я взял кружку. Кофе, чёрный, горячий. Сделал глоток.

И чуть не выплюнул его обратно.

Кофе был солёный. Не слегка, а всерьёз, как морская вода, которую случайно хлебнул на пляже. Я сглотнул, потому что Кастен стояла ко мне спиной и, как мне показалось, очень внимательно слушала.

— Спасибо, — сказал я.

— С днём рождения, генерал.

— Спасибо.

Я сделал второй глоток. Он был не лучше первого. Я подумал, что если буду пить медленно, это растянется на полчаса, и выпил сразу половину.

«Командующий, — сказала Сейв. — Справка. Генерал Галактионов пил кофе с солью двадцать два года. Привычка со сторожевика "Скромный": опреснитель работал плохо, вода была солоноватой, и экипаж говорил, что кофе без соли пить невозможно, потому что не узнаёшь вкус. После перевода он продолжал солить сам. Коммандер Кастен девять лет приносит ему первую кружку в этот день».

Я допил. Поставил кружку на стол.

— Брандт рассказывал вам про опреснитель? — спросил я.

Кастен повернулась.

— Брандт рассказывал всем про опреснитель, — сказала она. — Это была его любимая история. Как лейтенант Галактионов три месяца пил солёный кофе и уверял, что так и надо, а потом их поставили в док, вода стала нормальной, и он сам начал сыпать соль, потому что отвык от пресного. Брандт говорил, что по этому можно понять всё про Галактионова.

— И что можно понять?

— Что он привыкает ко всему, что ему дают, — сказала Кастен. — А потом уже не может без этого.

Она посмотрела на пустую кружку, потом на меня.

— Вы выпили.

— Выпил.

— До конца.

— Вы же принесли.

Кастен ничего не сказала. Я видел, что она хочет что-то спросить, и видел, как она решает не спрашивать. Это заняло у неё секунды три. Потом она взяла кружку и пошла к двери.

— Через девять часов Сорель, — сказала она на пороге. — Вейлис просил вас зайти, когда проснётесь. У него что-то по сводкам.

Дверь закрылась.

«Командующий, — сказала Сейв. — За девять лет он ни разу не допивал эту кружку сразу. Он пил её весь день, по глотку, и под вечер она стояла холодная».

— Теперь ты мне это говоришь.

«Вы не спрашивали заранее. Я не знала, что она её принесёт».

Я посидел, глядя на дверь.

Кастен знала, что я не Галактионов. Не в смысле переселения из другого мира, конечно, — такой мысли у неё в голове не было и быть не могло. Она знала, что человек, с которым она проработала девять лет, после тех четырёх минут на полу мостика стал другим. Мозг после остановки сердца иногда перестраивается, медицина такое описывает. Она это знала с первого дня, говорила вслух в первую неделю и потом перестала говорить.

А сегодня принесла солёный кофе и посмотрела, как я его пью.

Я так и не понял, был это экзамен или подарок.

Пассажиром я ещё не бывал.

Двадцать три дня на «Терпении» каждые полчаса кто-нибудь приходил с вопросом, на который нужно было ответить сейчас. На «Сиверне» вопросов не было.

Лайнер шёл в составе конвоя: три госпитальных транспорта с тяжелоранеными, которых везли в центральные госпитали столицы, два грузовика и охранение из четырёх фрегатов и двух корветов сил сектора. Командовал конвоем капитан Сэлл с фрегата «Ловкий», которого я ни разу не видел. По документам я был пассажиром, подлежащим доставке в столицу Империи. Ровно так же в документах значился контейнер у меня под койкой.

Контейнер был серый, размером с дорожный чемодан, с тремя пломбами. Внутри лежал носитель Крейна, четыре ключа Вейлиса, все графики, протоколы допросов, копия журнала командующего за шесть суток и мои показания по Ташу, написанные от руки. Пломбы ставили втроём: я, Кастен и Арден, перед тем как Арден ушёл вперёд на своём крейсере «Строгий». Он ушёл на двое суток раньше нас, курьерским маршрутом, который короче на трое, и вёз в личном багаже точно такой же контейнер.

Кастен составила правила хранения в первый же вечер: контейнер не остаётся без одного из нас двоих. Я сказал, что это похоже на паранойю. Она ответила, что паранойя — это когда без оснований, а у нас оснований четыре трупа.

Вейлис жил на той же палубе, через две каюты, и формально находился под охраной. Охрана состояла из одного молодого матроса из экипажа «Терпения», которого Кастен выбрала лично. Матрос сидел на складном стуле у двери и грыз карандаш над листком с задачами по навигации. Когда я шёл мимо, он вскочил и уронил карандаш.

— Сидите, — сказал я.

Он сел и до самой двери Вейлиса смотрел мне в спину. Я спиной чувствовал, что он думает о том же, о чём думал весь конвой: везут человека, которого будут судить.

У Вейлиса на столе лежали распечатки. Он вообще предпочитал бумагу: говорил, что на экране цифры выглядят слишком убедительно. Шрам от ожога у него на шее за три недели побледнел, но не прошёл.

— Генерал, — сказал он, не вставая. — Садитесь. С днём рождения.

— Откуда вы знаете?

— Коммандер Кастен сказала. Вчера вечером. Она попросила меня не поздравлять вас, если вы будете выглядеть так, будто не знаете, что у вас день рождения.

— И как я выгляжу?

— Так, будто не знаете, — сказал Вейлис. — Поэтому я поздравляю. Мне было интересно, что будет.

— Ничего не будет.

— Вот я и посмотрел.

Он развернул ко мне распечатку.

— Это сводки, — сказал он. — Новостные ленты сектора и Империи за последние двое суток. Ваш искин мне их сгрузил, когда мы прошли узел и поймали сеть. Я их читаю, как ведомость.

— И что в ведомости?

— Вы, — сказал Вейлис.

Я взял лист.

Империя говорила о Кальдере.

Сейв потом собрала мне полную картину, но и по распечаткам Вейлиса было понятно главное. Официальная лента Совета давала одну строку: «В системе Кальдера отражено нападение вольных флотилий Разлома. Потери уточняются. Обстоятельства изучаются комиссией». Больше ничего. Ни фамилий, ни цифр.

Зато всё остальное было полно цифр.

Ленты, близкие к роду Арден, писали о наследнике, который «вернулся с подкреплением в решающий момент». Это было почти правдой, если не уточнять, что решающий момент кон-

чился за двенадцать часов до его возвращения. Ленты торговых палат считали сорванный график перевозок и страховые премии на маршрутах через Кальдеру.

А в частных каналах был мой «Счёт». Пять пунктов, которые я зачитал по открытым частотам над Тилем, без шифрования, чтобы их услышали капитаны противника. Кто-то в системе Кальдера записал его с гражданского приёмника и выложил. За двое суток запись разошлась по сектору, потом по соседним. Её перепечатывали, разбирали, спорили. Под одной из копий было больше сорока тысяч ответов.

— Вы знаете, как вас называют? — спросил Вейлис.

— Не хочу знать.

— Счетоводом, — сказал он с явным удовольствием. — В торговых кругах. Это у них высшая похвала. Генерал, который разговаривает с противником цифрами, причём такими, которые можно проверить. Торговцы такое ценят. Они всю жизнь проверяют чужие цифры.

— А не в торговых?

Вейлис перевернул лист.

— Не в торговых по-разному, — сказал он. — Есть «мясник с Кальдеры». Есть «генерал, который отпустил». Есть и хуже. Вот здесь пишут, что вы трус, который побоялся добить врага. Вот здесь — что вы изменник, который договорился с пиратами в открытом эфире. Это один и тот же канал, разница в два часа.

Я положил лист.

В игре у меня тоже были прозвища. Galt-Холодильник, потому что у меня на лице ничего не отражалось. Мне было смешно и немного лестно. Сейчас смешно не было: у двухсот четырнадцати тысяч человек есть родственники, и эти родственники сейчас читают эти ленты.

— Это не главное, — сказал Вейлис. — Главное здесь.

Он вытащил из стопки другой лист и положил сверху.

«Командующий, — сказала Сейв прежде, чем я успел прочитать. — Я собиралась доложить это первым, как только вы закончите с Вейлисом. Это пришло сорок минут назад, со свежим пакетом сети».

Я начал читать.

Позавчера, на двадцать второй день после начала всего, в один и тот же час в трёх разных секторах Империи вольные флотилии атаковали три системы.

Мельна, сектор Ирд. Горнодобывающая система, шесть рудных станций, база обогащения. Около четырёхсот рейдеров. Станции не захватывали: сбили с орбит две обогатительные платформы и ушли.

Кадис, сектор Хеллор. Арсенальная система: склады торпед и ракет, сборочные линии. Около шестисот кораблей. Ушли с грузом, оценку потерь род Хеллор не даёт.

Тарсо, сектор Дамел. Топливная станция, крупнейшая в той части Империи. Около трёхсот кораблей. Подожгли два из девяти хранилищ.

Три удара в трёх секторах, в шестидесяти световых днях друг от друга, в пределах одного часа.

Я прочитал два раза. Потом положил лист на стол и стал смотреть на него.

— Ну? — сказал Вейлис.

— Подождите.

Это было знакомо. Не по Кальдере — по старой жизни.

В любой стратегии, где есть экономика, рано или поздно наступает момент, когда один из игроков понимает, что в лоб не выиграет. Армия у соперника сильнее, или позиция, или просто удачнее старт. И тогда он перестаёт воевать с армией и начинает воевать с экономикой. Рейды по шахтам. Удары по складам. По дорогам, по которым возят ресурсы. Армия соперника по-прежнему сильнее, но ей нечего есть, и через двадцать минут игрового времени это становится видно на графиках.

Я делал так десятки раз, и против меня делали. Защищаться от этого очень дорого: на каждую шахту нужна своя охрана, а противник выбирает, куда бить.

Руда, оружие, горючее.

— Это не набег, — сказал я.

— Нет, — согласился Вейлис. Похоже, он ждал, когда я дойду до этого сам.

— Набег — это когда приходят за добычей. Здесь добычу брали только в Кадисе. В Мельне сбили платформы и ушли. В Тарсо подожгли хранилища. Сожжённое топливо не продашь.

— Не продашь, — сказал Вейлис. — Зато можно продать то, которое не сгорело.

Я поднял глаза.

— Вот здесь. — Он постучал ногтем по краю другой распечатки. — Биржевые сводки сектора Дамел. Через шесть часов после Тарсо цена на флотское топливо в соседних секторах выросла на девятнадцать процентов. Через двенадцать — на двадцать шесть. Руда с Мельны — плюс тридцать один процент на складах обогащения в трёх соседних системах. По Кадису данных нет, Хеллоры закрыли всё.

— Кто-то на этом зарабатывает.

— Генерал, на этом зарабатывает каждый, у кого на складе было топливо, — сказал Вейлис терпеливо. — Таких сотни. Это ничего не доказывает.

— Я не прошу доказывать. Я прошу посмотреть, кому это удобно.

— Я посмотрел. — Он сложил руки на столе. — Мельна, Кадис, Тарсо. Я двадцать два года работал в снабжении, генерал. Все три системы я знаю. Это не просто склады. Это три точки, через которые идёт снабжение флотов в трёх секторах. С Мельны руда идёт на верфи Острана. Из Кадиса — торпеды на флоты половины Империи. Тарсо заправляет всё, что ходит между Дамелом и Хеллором.

— Флоты каких родов?

Вейлис помолчал.

— Вы сами знаете, каких, — сказал он.

Я знал. Остран, Хеллор. Два из четырёх родов, которые за три года уже потеряли флоты и места в комиссии по Уставу.

Это было похоже на то, что я сказал Ардену неделю назад. Кто-то вычищает комиссию. Род, который потерял двести тысяч человек, не может спорить о правках. А род, который потерял флот и которому теперь нечем его восстанавливать, не может спорить вдвойне.

«Командующий, — сказала Сейв. — Уточнение. Сигнатуры кораблей во всех трёх атаках не совпадают с сигнатурами второй эскадры и с теми соединениями, которые воевали у Тиля. Знака с ломаным росчерком не зафиксировано ни в одной системе».

— То есть это не он.

«Это не те корабли, которые были у Тиля. Больше я сказать не могу».

Я встал и прошёлся по каюте Вейлиса. Каюта была маленькая, три шага туда, три обратно.

Мне не нравилось это сразу по нескольким причинам.

Первая. Вольные флотилии не армия, а сто семнадцать отдельных компаний, и каждая живёт своим выкупом. Чтобы они ударили в один час в трёх секторах, кто-то должен был заплатить им одновременно.

Вторая. Удары выбраны не по добыче, а по снабжению. Так выбирают цели не пираты, а интендант. Или человек, который думает, как интендант.

Третья. Это случилось через три недели после Кальдеры. Ровно тогда, когда в столице собирается внеочередная комиссия по Уставу с повесткой «пересмотр квот по итогам потерь».

— Вейлис, — сказал я. — Если бы вы хотели, чтобы на заседании комиссии роды Остран и Хеллор сидели тихо и не спорили, что бы вы сделали?

Он посмотрел на меня поверх распечатки.

— Я бы сделал так, чтобы у них в этот день были другие заботы, — сказал он. — Например, чем заправлять то, что у них осталось.

— Вот и я так думаю.

— Генерал, это не доказательство, — вздохнул Вейлис. — У вас опять такое лицо, как в тот раз, когда мы сверяли мои ведомости. Мы тогда два с половиной часа ничего не ели.

Планета была небольшая, сухая, жёлто-серая, с полосой облаков вдоль экватора. Над ней висела база флота сектора, Сорель-Высокая: огромное колесо доков, по ободу которого швартовались корабли. Издалека оно было похоже на шестерёнку, которую кто-то положил над планетой и забыл.

«Сорель, — сказала Сейв. — Столица сектора Корсен. Население планеты девять миллионов, базы — двести двадцать тысяч. Здесь находятся штаб флота сектора, интендантская служба сектора, канцелярия генерального инспектора и представительство рода Корсен».

— Генеральный инспектор здесь?

«Вален Корсен находится на базе. Его канцелярия занимает четыре палубы второго обода».

Я посмотрел на колесо. Где-то там, на втором ободе, сидел человек, которому Галактионов писал свой рапорт. Которому одиннадцать лет назад писал Вейлис. Девятнадцать лет на одной должности. Входящие номера, ответов нет.

— Сколько раз он встречался с Галактионовым?

«Четыре раза лично. Два служебных совещания по снабжению, восемь и пять лет назад. Один приём в представительстве рода, шесть лет назад. И похороны Линн. Точнее, на похоронах его не было. Он прислал венок и письмо. Генерал ответил коротко».

— Что было в письме?

«Соболезнования по форме и одна строка от руки: "Мне очень жаль. Я её помню"».

— Она его знала?

«Линн работала в интендантской службе сектора до замужества. Последние два года — в отделе, которым тогда руководил генеральный инспектор».

Я остановился.

Об этом я не знал. Двадцать три дня я жил в теле человека, о жене которого знал только имя. Я не спрашивал: мне казалось, что это значит лезть туда, куда не звали.

— Расскажи про Линн, — сказал я. — Коротко.

Пауза.

«Линн Галактионова, урождённая Варро. Род Варро — служилый, без великого рода над ним. Интендант второго класса. Познакомилась с генералом восемнадцать лет назад, когда он был капитаном и пришёл в интендантскую службу ругаться из-за недопоставки торпед. Они поженились через год, и она оставила службу. Детей не было. Умерла четыре года назад от болезни, которую лечат, если поймать рано. Её поймали поздно. Генерал после этого перестал брать отпуск».

Я ничего не сказал.

Интендант. Жена Галактионова была интендантом. Человек, который двадцать лет пил солёный кофе, женился на женщине, которая знала, как устроено снабжение. А потом она умерла, и через четыре года он сел по ночам сводить таблицы недостач.

Я сидел и думал об этом, пока в иллюминаторе не появилась Сорель.

Встречать нас вышли к шлюзу.

Я ожидал офицера штаба сектора, а если честно, то конвой военной полиции.

У шлюза стоял невысокий пожилой человек в штатском.

Ему было за шестьдесят. Худой, узкоплечий, очень аккуратный: серый костюм, застёгнутый на все пуговицы, приглаженные редкие волосы. На носу очки в тонкой металлической

оправе. На базе, где у каждого второго коррекция зрения стояла прямо в сетчатке, это была привычка человека, который не доверяет ничему, что нельзя снять и положить в карман.

На безымянном пальце левой руки у него было кольцо. Глаз в треугольнике. Такое же, как у меня.

За ним, на почтительном расстоянии, стояли двое секретарей и офицер связи базы.

— Генерал Галактионов, — сказал он. Голос был тихий, сухой, отчётливый. — Вален Корсен. Генеральный инспектор флота сектора.

— Генеральный инспектор.

Мы пожали руки. Рука у него была сухая и прохладная, рукопожатие короткое.

— С днём рождения, — сказал Вален Корсен.

Я на секунду растерялся. Кастен, стоявшая за моим плечом, не шевельнулась.

— Спасибо. Не думал, что об этом кто-то помнит.

— Я помню дни рождения всех членов рода, генерал. Это не так трудно, как кажется. Их всего четыреста двенадцать. — Он чуть наклонил голову. — Я позволил себе встретить вас лично. Это не по протоколу, и протоколу это не понравится. Но я подумал, что вы предпочтёте увидеть меня сразу, а не гадать двое суток, почему я не пришёл.

— Двое суток?

— Конвой стоит здесь двое суток. Дозаправка, смена экипажа на госпитальных транспортах, досмотр. — Он посмотрел на меня поверх очков. — Генерал, я хочу пригласить вас сегодня на ужин. В мою квартиру на базе. Если вам нужен формальный повод, я пришлю письменное приглашение на беседу по существу вашего рапорта. У меня есть на это право, рапорт адресован мне.

Я почувствовал, как Кастен за моим плечом стала очень неподвижной.

— Коммандер Кастен будет присутствовать, — сказал я.

— Разумеется. — Вален перевёл взгляд на Кастен и кивнул ей, как старой знакомой. — Коммандер. Рад, что вы живы.

— Генеральный инспектор, — сказала Кастен ровно.

— В девятнадцать ноль-ноль, — сказал Вален. — Второй обод, жилая палуба, квартира четыре. Вас проводят.

Он повернулся и пошёл к лифтам, не оглядываясь. Секретари двинулись за ним.

Я смотрел ему вслед.

— Сейв.

«Слушаю».

— Какой рапорт он имеет в виду?

«Уточните вопрос, командующий».

— Рапорт, адресованный ему. Он сказал: «по существу вашего рапорта». Галактионов писал рапорт генеральному инспектору сектора Корсен. Недописанный. Он не мог его читать.

Сейв молчала долю секунды.

«Он мог иметь в виду рапорт о событиях в Кальдере, — сказала она. — Его составили по вашему распоряжению на девятнадцатые сутки и направили по всем инстанциям, включая генерального инспектора».

Да. Это было разумно. Сводный рапорт об операции ушёл во все инстанции, я сам его подписывал. Вален мог иметь в виду его.

Я выдохнул.

— Ирма, — сказал я. — Что вы о нём знаете?

Кастен смотрела на закрывшиеся двери лифта.

— Что за девятнадцать лет на него не было ни одной жалобы и ни одного представления к награде, — сказала она. — Что его брат — глава рода Корсен. — Она помолчала. — И что я видела его на похоронах Линн.

— Сейв сказала, что его там не было.

— Официально не было, — сказала Кастен. — Он стоял у входа в зал прощания, в штатском, минут десять. Потом ушёл. Галактионов его не видел. Я видела.

В девятнадцать ноль-ноль нас провели через два обода и жилую палубу, где пахло едой и слышно было детей.

Квартира четыре оказалась небольшой. Две комнаты, книжные полки до потолка — настоящие бумажные книги, сотни, — стол на четверых, накрытый просто. Ни прислуги, ни охраны. Вален Корсен сам открыл дверь, сам взял у Кастен плащ, сам разлил по бокалам что-то тёмное, пахнущее ягодами.

Я пришёл с контейнером. Сказал, что не оставляю его, и Вален молча показал на стул у стены, куда его можно поставить.

Первые полчаса говорил Вален, а я слушал и старался не ошибиться. О лифтах на втором ободе, которые строят девятый год. О ценах на топливо, из-за которых база урезала отопление жилых палуб на два градуса.

— Вы видели новости из Тарсо, — сказал он.

— Видел.

— И из Мельны, и из Кадиса.

— Да.

— Что вы о них думаете?

Я посмотрел на него. Он ел медленно, аккуратно, отрезая маленькие кусочки, и не смотрел на меня. Спросил так, как спрашивают о погоде.

— Я думаю, что это не набеги, — сказал я.

— Я тоже так думаю, — сказал Вален. — Но я — генеральный инспектор флота сектора Корсен, и моё мнение о событиях в секторах Ирд, Хеллор и Дамел не входит в мою компетенцию. Так что я его ни с кем не обсуждаю.

— Тогда зачем спросили?

— Чтобы узнать, обсуждаете ли вы.

Кастен положила вилку.

Вален наконец поднял глаза. За очками они были светлые, водянистые и очень внимательные.

— Генерал, — сказал он. — Я пригласил вас не для того, чтобы говорить о Тарсо. Позвольте, я сразу перейду к делу. Мне шестьдесят три года, и я давно разучился делать вид, что пришёл по другому поводу.

Он встал, подошёл к полке, вынул из-за книг тонкую папку и положил её на стол передо мной. Сел обратно.

Я открыл папку.

Внутри был один лист. Распечатка служебного документа, с шапкой, номером и отметкой о регистрации.

«Генеральному инспектору флота сектора Корсен.

Рапорт.

Довожу до вашего сведения, что в течение последних восьми месяцев в системе снабжения Объединённого флота Кальдеры выявлены систематические расхождения между…»

Я узнал его со второй строки. Я читал его в первый день на «Терпении», в своей каюте, в папке черновиков. Таблицы, недостачи, номенклатура, сроки. Сухой отчётливый язык человека, который двадцать лет пишет рапорты и знает, что каждое лишнее слово дают противнику в руки.

И последняя строка, на которой всё обрывалось:

«…ответственность за указанные расхождения несёт канцелярия командующего флотом, лично…»

Дальше ничего.

А над шапкой, в правом верхнем углу, стоял штамп регистрации. Входящий номер. Дата — первый день. Время — девять тридцать одна.

Через одиннадцать минут после того, как у Дальнего узла вышли пираты. За два часа девять минут до того, как у Галактионова остановилось сердце.

Я смотрел на штамп и не мог отвести от него глаз.

— Я получил его двадцать четыре дня назад, — сказал Вален Корсен. — Вы оборвали его на слове «лично». С тех пор я каждый день жду, когда вы допишете фамилию.

Глава 2. Входящий номер

Я смотрел на штамп и думал только об одном: чтобы лицо ничего не показало.

Галактионов знал, что рапорт отправлен. Он сам его отправил. Значит, человек напротив ждёт от меня, что я тоже это знаю, и любая заминка скажет ему больше, чем мне хотелось бы.

«Сейв, — подумал я, очень отчётливо, словами. — Рапорт был отправлен?»

«Да, командующий. Первый день, девять часов тридцать одна минута. С личного терминала командующего, кодом генерала Галактионова, с биометрическим подтверждением. Адресат — генеральный инспектор флота сектора Корсен. Доставка подтверждена в девять тридцать одну».

«Его отправил сам Галактионов».

«Да».

«Почему ты мне не сказала?»

«Вы не спрашивали».

«Я спросил тебя у шлюза. Четыре часа назад».

«Вы спросили, какой рапорт он имеет в виду, — сказала Сейв. — Я не знаю, что он имеет в виду. Вы сказали, что он не мог его читать. Я вас не поправила».

«Почему?»

Пауза была длинной. Для неё очень длинной: почти секунда.

«Я не знаю, командующий».

Вален Корсен сидел напротив и ждал. Он не торопил меня, не смотрел на часы, просто сидел, положив руки на стол, сухие и бледные, с кольцом на безымянном пальце.

Рапорт касался снабжения. Восьмая тема, по которой у Сейв восемь месяцев назад вынули инициативу. Она не сказала мне, что он ушёл, потому что это была бы инициатива. Она ответила на мой вопрос у шлюза честно и точно, ровно на тот вопрос, который я задал. И не поправила мою ошибку, потому что поправлять — это тоже инициатива.

Три недели. Три недели я был уверен, что Галактионов не успел отправить рапорт. Я строил на этом версии. Я сказал Ардену, что генерал не дописал и не отправил. Я, кажется, даже Кастен это говорил.

И каждый раз Сейв была рядом и молчала.

Я заставил себя думать о главном.

Девять тридцать одна. Пираты вышли у Дальнего узла в девять двадцать. В восемь тридцать Галактионов говорил с наследником наедине, и о чём шёл разговор, не знает никто. В десять ноль пять наследник ушёл. В одиннадцать сорок у Галактионова остановилось сердце.

Он узнал, что пришли пираты. Через одиннадцать минут отправил рапорт. Недописанный, оборванный на полуслове. Отправил как есть.

Почему как есть?

Вариант первый: не было времени. Пираты, флот, тревога. Но дописать одну фамилию — это три секунды.

Вариант второй: он не знал фамилию. Он знал, что ответственность несёт канцелярия, и знал, что это кто-то лично, но не знал кто. И решил, что лучше отправить без фамилии, чем с неправильной.

Человек, который двадцать лет пишет рапорты, не пишет фамилию наугад.

— Я не дописал, — сказал я, — потому что не был уверен.

Вален Корсен смотрел на меня поверх очков долго, секунд пять.

Потом снял очки, протёр их салфеткой и надел обратно.

— Это хороший ответ, — сказал он. — Знаете, генерал, это единственный ответ, который я был готов принять.

— А какие вы были не готовы принять?

— Любую фамилию, — сказал Вален. — Если бы вы сейчас назвали мне фамилию, я бы спросил, почему вы не написали её двадцать четыре дня назад. И не поверил бы ни одному объяснению. — Он сложил салфетку вчетверо и положил рядом с тарелкой. — Вы ведь и сейчас не уверены.

— Сейчас я уверен в большем, чем тогда. Но не во всём.

— Это заметно.

Кастен сидела рядом очень прямо. Краем глаза я видел, что она смотрит не на Валена, а на лист с рапортом. На штамп.

Она тоже не знала.

— Генеральный инспектор, — сказал я. — Что вы сделали с рапортом?

— То, что предписано. — Вален говорил ровно, как будто зачитывал. — Рапорт зарегистрирован автоматически при получении, в девять тридцать одна. Я прочитал его в десять сорок: у меня было совещание. В одиннадцать пятьдесят восемь я направил копии по двум адресам. Первый — комиссия по снабжению при канцелярии Совета Двенадцати. Туда уходит каждый рапорт о хищениях, это обязательно. Второй — канцелярия рода Корсен.

— Почему рода?

— Потому что рапорт написан членом рода и касается его служебного положения, — сказал Вален. — Таково правило рода. Все документы, которые касаются членов рода и могут иметь для них последствия, направляются в канцелярию рода. Это делается для их же защиты. Род должен знать, кого из своих защищать.

— Кто в канцелярии рода читает такие документы?

— Канцелярия рода докладывает главе рода, — сказал Вален. — Моему брату.

В одиннадцать пятьдесят восемь. Через восемнадцать минут после того, как сердце Галактионова остановилось на мостике. Вален об этом не знал. Никто в секторе не знал: Кастен приказала не объявлять.

«Сейв, — подумал я. — Если я спрошу тебя прямо, ты ответишь?»

«Да».

«Что ещё касается снабжения, учёта и документов на моё имя, о чём я не спрашивал?»

«Командующий, это очень широкий вопрос. За три недели — около четырёх тысяч позиций. Я могу дать их списком».

«Потом. Сейчас главное: было ли что-то отправлено с моего терминала, кроме этого рапорта, и о чём я не знаю?»

«Нет. Только рапорт».

«Хорошо».

Хорошего не было ничего, но надо было сидеть за столом и разговаривать.

— Генеральный инспектор, — сказал я. — Можно вопрос не по протоколу?

— Мы с вами двадцать минут не по протоколу, генерал.

— Вы прочитали рапорт в десять сорок. Вы знали, что Кальдера под ударом, что в системе двадцать пять тысяч кораблей противника, что командующий флотом ушёл. И что автор рапорта, возможно, не переживёт следующих суток. Вы что-нибудь сделали, кроме двух копий?

Кастен чуть повернула голову ко мне. Я понимал, как это звучит. Я спрашивал брата главы моего рода, почему он ничего не сделал, сидя у него в квартире и доедая его ужин.

Вален не обиделся. Он, кажется, ждал этого вопроса так же, как ждал ответа про фамилию.

— Нет, — сказал он.

— Почему?

— Потому что ничего, кроме двух копий, я сделать не могу, — сказал Вален. — Генерал, вы знаете, как устроена моя должность?

— Расскажите.

Он поправил очки.

— Генеральный инспектор флота сектора получает рапорты о нарушениях в снабжении, вооружении, личном составе и финансах флота сектора, — сказал он. — Регистрирует их. Направляет в соответствующие комиссии при канцелярии Совета. Комиссии решают, открывать ли расследование. Если открывают, расследование ведёт следственная служба Совета. Если не открывают, рапорт возвращается мне с отметкой, и я сообщаю автору. — Он развёл руками. — Всё. Я не веду расследований. У меня нет следователей. У меня есть четырнадцать человек, которые регистрируют входящие, и я.

— За девятнадцать лет…

— За девятнадцать лет я получил триста двенадцать рапортов о хищениях в снабжении, — сказал Вален. — По одиннадцати из них комиссия открыла расследование. Ни одно не доведено до суда. Двести восемьдесят девять вернулись с отметкой «оставить без рассмотрения ввиду недостаточности оснований». Двенадцать не вернулись вообще.

Он произнёс это спокойно, как количество лифтов на втором ободе.

— Вы помните цифры наизусть.

— Я помню всё, что связано с моей работой, генерал. Это единственное, что у меня получается хорошо.

Я посмотрел на Кастен. Она сидела неподвижно.

— Одиннадцать лет назад вам писал интендант Вейлис, — сказал я.

— Дорн Вейлис, интендант первого класса, интендантская служба сектора, — сказал Вален, не задумываясь. — Рапорт о расхождениях в расходе энергии погрузочных платформ на складах восьмого и одиннадцатого округов. Входящий номер четыре тысячи сто девять. Направлен в комиссию по снабжению. Возвращён через семь недель с отметкой «без рассмотрения». Через три месяца Вейлис уволен приказом начальника интендантской службы сектора. — Он помолчал. — Я читал этот рапорт. Это был хороший рапорт. Лучший из всех, что я получил за те годы.

— И вы ничего не сделали.

— Я сообщил ему об отметке, — сказал Вален. — По форме. А потом сидел вечером здесь, за этим столом, и думал, не позвонить ли ему. Не по форме. Сказать, что я прочитал и что это хороший рапорт.

— Позвонили?

— Нет.

Он сказал это без выражения.

— Знаете, генерал, о чём я думал в тот вечер? О том, что если я позвоню, то это будет первый раз за восемь лет, когда я сделаю что-то, чего нет в инструкции. И что второй раз будет легче. А потом третий. И через год я буду человеком, который звонит авторам рапортов по вечерам и обещает им то, чего не может выполнить. — Он снял очки, повертел в пальцах. — Я решил, что хорошая почта лучше плохого следствия.

Я молчал.

Я слушал его и видел Галактионова. Не того, который сидит сейчас за этим столом, а настоящего. Дерзкого лейтенанта со «Скромного», который двадцать два года назад говорил, что тоже прятался бы в магнитосфере. Из которого за двадцать лет сделали исполнителя: «Исполнителен, осторожен, никогда не отступает от Устава. При равных условиях предсказуем полностью».

— Линн как-то сказала мне это, — сказал Вален. — Она тогда работала у меня в отделе. Я отказался подписать одну бумагу, потому что в ней не хватало справки, а справка была пустая

формальность. Она сказала: «Вы, Вален Корсен, хороший почтовый ящик». Не со зла. Она вообще ничего не говорила со зла. — Он надел очки. — Я двадцать лет пытаюсь понять, была ли это похвала.

Кастен посмотрела на него. Впервые за вечер — прямо.

— Генеральный инспектор, — сказала она. — Зачем вы нас позвали?

Вален чуть улыбнулся. Улыбка у него была сухая и короткая, как подпись.

— Коммандер, вы правы. Я позвал вас не затем, чтобы рассказывать о себе. — Он повернулся ко мне. — Генерал, у меня к вам поручение от брата.

— Слушаю.

— Глава рода Корсен знает, что вы едете в столицу по вызову Совета. Знает, с чем вы едете. Знает, что в Совете у вас нет друзей. Род Арден вас отстранил, хотя, насколько я понимаю, наследник это делал без удовольствия. Род Дамел вас не любит за сорванный квартал. Остальные роды вас не знают и знать не хотят, потому что вы неудобны.

— Это я понимаю.

— Род Корсен готов вас защищать, — сказал Вален. — Вы член рода, младшая ветвь. Это значит, что род имеет право — и обязанность — предоставить вам представителя перед Советом. Палата поверенных рода, лучшие юристы Империи. Доклад, который вы будете делать Совету, подготовят вместе с вами. Ваше дело будут вести так, чтобы трибунал по статье первой, части третьей стал невозможен. — Он помолчал. — Брат просил передать, что он лично гарантирует вам жизнь.

Кастен не шевелилась.

Я чувствовал, что сейчас будет «но». Вален тоже это чувствовал и не стал тянуть.

— Условие одно. Материалы, которые вы везёте, до доклада Совету передаются в архив рода. Для подготовки защиты. Поверенные должны знать, с чем работают. — Он посмотрел на контейнер у стены. — Это обычная практика, генерал. Ни один поверенный не станет защищать человека, не видя его документов.

Вот оно.

Я ждал этого с того момента, как увидел Валена у шлюза. Не знал, в какой форме это придёт, но знал, что придёт. Глава рода предлагает защиту. Взамен — контейнер.

Брату главы рода, двадцать четыре дня назад, ушла копия рапорта о хищениях. Через восемнадцать минут после остановки сердца.

— Нет, — сказал я.

Вален не удивился.

— Почему?

— Потому что у меня есть пункт пятый, — сказал я. — «Материалы надлежит доставить лично и в целости». Это распоряжение Совета Двенадцати. Если я передам материалы в архив рода, пусть даже на сутки, пусть даже под опись, я их уже не доставлю лично. Я доставлю то, что мне вернут.

— Вы не доверяете роду.

— Я никому не доверяю, генеральный инспектор. У меня был опыт.

— Вы не доверяете моему брату, — уточнил Вален.

— Я не знаю вашего брата, — сказал я. И только потом понял, что сказал.

Галактионов был членом рода сорок шесть лет. Он не мог не знать главу рода. Встречался с ним, наверное, на приёмах, на семейных советах, где младшие ветви сидят в конце стола.

Вален смотрел на меня очень внимательно.

— Я хотел сказать, — сказал я медленно, — что знаю его так же, как любой из младшей ветви знает главу рода. По приёмам. Этого мало, чтобы отдать ему вещи, за которые на этой неделе умерли четыре человека.

— Четыре, — повторил Вален.

Он не спросил, кто они.

— Я сказал брату, что вы откажетесь, — сказал он.

— И что он ответил?

— Что вы не откажетесь. Что Галактионов никогда не отказывался от того, что ему предлагал род. — Вален чуть наклонил голову. — Я с ним согласился. Галактионов не отказывался. Ни разу за двадцать шесть лет, что я за ним наблюдаю.

Он встал, подошёл к полке и вынул из-за книг вторую папку. Толще первой, в серой обложке, перетянутую резинкой.

Положил её на стол рядом с моей тарелкой.

— Что это?

— Мой журнал, — сказал Вален. — Не служебный. Личный. Я веду его девятнадцать лет. Триста двенадцать рапортов. По каждому: автор, должность, дата, суть, куда направлен, что вернулось. И отдельной графой — что стало с автором в течение трёх лет после рапорта.

Я не прикоснулся к папке.

— Зачем вы его вели?

— Затем, что я хороший почтовый ящик, — сказал Вален. — Почтовый ящик не может ничего сделать с письмами. Но он может помнить, что в него бросали.

— Ваш брат знает о нём?

— Нет. — Вален сел. — И он не велел мне ничего вам давать, кроме предложения. Он сказал: если откажется, отпусти его с миром, Совет разберётся сам.

— Тогда почему вы даёте?

Вален помолчал.

— Потому что вы не дописали фамилию, — сказал он. — Двадцать четыре дня я ждал, что Галактионов приедет и скажет мне фамилию. А пришли вы и сказали, что не уверены. — Он посмотрел на контейнер у стены, потом на меня. — Я девятнадцать лет получаю рапорты от уверенных людей, генерал. Половина из них ошибается. Человек, который не уверен и всё равно едет, — это редкость.

Он чуть усмехнулся.

— Линн бы дописала. Она дописывала всегда. Но я подумал, что вам нужна не её смелость, а мои цифры.

Мы вернулись на «Сиверну» в одиннадцатом часу.

Кастен всю дорогу молчала. В лифте, на переходе, на палубе лайнера. Только у двери моей каюты остановилась и сказала:

— Генерал. Рапорт был отправлен.

— Да.

— Вы не знали.

Я посмотрел на неё. В коридоре никого не было, кроме матроса, который дремал у двери Вейлиса над Уставом.

— Не знал, — сказал я.

— Седьмой не сказал.

— Седьмой не говорит о снабжении, Ирма. Восьмая тема. Мы это выяснили неделю назад.

— Мы выяснили, что он не начинает разговор, — сказала Кастен. — Мы не выяснили, что он не исправляет ошибку, когда человек вслух говорит неправду.

— Теперь выяснили.

Она постояла, глядя на меня.

— Вы три недели строили версии на том, что рапорт не отправлен.

— Да.

— И ни одна из них не развалилась.

Я об этом ещё не думал. Она была права. Ни одна версия от этого не рухнула. Отправлен рапорт или нет, Вален всё равно ничего не сделал, хищения всё равно шли через канцелярию, Галактионов всё равно умер на мостике.

Но теперь в цепочке появилось новое звено. Копия рапорта ушла в канцелярию рода Корсен в одиннадцать пятьдесят восемь.

— Не развалилась, — сказал я. — Но стала длиннее.

Вейлис не спал. Я, кажется, ни разу не застал его спящим за все три недели. Он сидел над распечатками, и когда я положил перед ним серую папку, поднял на меня глаза без всякого удивления.

— Что это?

— Ведомость, — сказал я. — Девятнадцать лет. Триста двенадцать рапортов о хищениях. И что стало с авторами.

Вейлис снял резинку. Открыл. Прочитал первую страницу, потом вторую.

Потом аккуратно отодвинул все остальные распечатки на край стола.

— Генерал, — сказал он. — Мне нужно часа четыре.

Я сел на койку и стал ждать.

«Командующий, — сказала Сейв, когда прошёл час. — Разрешите вопрос».

— Спрашивай.

«Вы на меня сердитесь?»

Вопрос был неожиданный. За все эти недели она ни разу не спрашивала ничего подобного.

— Нет.

«Вы три недели исходили из ошибочного факта, и я знала, что он ошибочный».

— Ты не знала, что ты знаешь, — сказал я. — Это разные вещи. Тебе не дали этого знать.

«Это слабое утешение, командующий».

— Я тебя и не утешаю. — Я потёр глаза. — Сейв, у меня предложение.

«Слушаю».

— Ежедневная проверка молчания остаётся. Но к ней добавляется опросный лист. Каждое утро я буду задавать тебе вопросы. Прямые, конкретные, по снабжению, учёту и документам, где упоминается моё имя, имя Кастен или Вейлиса, материалы дела или конвой. Что пришло, что ушло, что изменилось за сутки. Ты отвечаешь на каждый полностью.

«Это костыль, командующий, а не проверка».

— Костыль тоже работает, если сломана нога.

«А если сломано что-то, о чём вы не догадаетесь спросить?»

— Тогда я не догадаюсь, — сказал я. — Буду знать, что не догадался. Это лучше, чем думать, что всё в порядке.

Пауза.

«Принято. Составьте список вопросов, я буду напоминать».

Вейлис закончил через три часа сорок минут.

Он положил передо мной один лист, исписанный от руки. Почерк у него был мелкий, ровный, как у человека, которого учили писать накладные.

— Триста двенадцать рапортов, — сказал он. — Двести четырнадцать авторов: кто-то писал по два-три раза. Это обычно. Кто раз нашёл недостачу, начинает видеть её везде.

— Дальше.

— В течение трёх лет после рапорта. Уволены или переведены с понижением — сорок один человек. Это много, но это ожидаемо: доносчиков никто не любит, начальство находит способ. Умерли — двадцать три.

Я ждал.

— Двадцать три из двухсот четырнадцати, — сказал Вейлис. — Средний возраст авторов сорок четыре года. Офицеры, интенданты, флотские. Ожидаемая смертность в этой группе за три года, с учётом службы на флоте и боевых потерь… — он постучал пальцем по колонке цифр, — я считал по флотским таблицам, генерал. От девяти до одиннадцати человек. Двадцать три — это вдвое больше.

— Отчего умерли?

— Девять — сердце, — сказал Вейлис. — В возрасте от тридцати восьми до пятидесяти четырёх. Ожидаемое число сердечных смертей в этой группе — один, от силы два. Девять.

Кастен, которая всё это время стояла у двери, отошла от неё и встала за моим плечом.

— Это ещё не всё, — сказал Вейлис. — Я посмотрел, чем девять отличаются от остальных. Не возрастом, не должностью, не сектором. Они отличаются рапортами.

Он перевернул лист.

— У всех девяти в рапорте названа фамилия, — сказал он. — Конкретный человек. Конкретная должность. Не «служба снабжения», не «канцелярия», не «неустановленные лица». Фамилия. Из трёхсот двенадцати рапортов фамилия названа в шестидесяти одном. Из шестидесяти одного автора девять умерли от сердца в течение четырёх месяцев после отправки.

Я сидел и смотрел на этот лист.

Девять человек, которые дописали фамилию. Написали до конца то, что знали. И через четыре месяца у них остановилось сердце.

Галактионов фамилию не дописал.

Галактионова начали травить за шесть недель до рапорта. Значит, его вычислили не по рапорту. Его вычислили раньше — когда он только начал сидеть по ночам над таблицами. Кто-то увидел, что он считает, и не стал дожидаться, пока он досчитает.

— Генерал, — сказал Вейлис. — Это не доказательство.

— Я знаю.

— Я говорю это не для формы. Девять случаев — это статистика, а не улика. Хороший поверенный разобьёт это за десять минут: стресс, нагрузка, возраст, наследственность. Ни в одном случае, насколько я понимаю, не делали анализа на клотамид.

— Потому что никто не знал, что его надо делать.

— Потому что никто не знал, — согласился Вейлис. — Но вот что я вам скажу как интендант. Он потёр лицо ладонью. — Товар невидим. Работа видна. Кто-то девятнадцать лет читает эти рапорты. Читает внимательно. Отделяет те, где есть фамилия. И приходит к авторам через четыре месяца. Это работа, генерал. Это кто-то делает. И этот кто-то имеет доступ ко всем рапортам, которые приходят генеральному инспектору сектора Корсен.

— Или к тем, куда их пересылают.

— Или к тем, — сказал Вейлис.

Комиссия по снабжению при канцелярии Совета. Канцелярия рода Корсен.

Два адреса. Один из них читает с карандашом в руке.

Я сложил лист пополам и убрал в контейнер. Потом подумал и достал обратно.

— Сейв. Сделай копию. Отдельно от всего, у себя.

«Сделано».

Утром мне не дали досмотреть сон, в котором я снова сидел на финале и не мог вспомнить, какой у меня план.

В дверь постучали в семь ноль-ноль. На пороге стоял незнакомый офицер: капитан, худой, лет сорока, с сухим лицом человека, который не любит, когда ему меняют планы.

— Генерал Галактионов. Капитан Сэлл, командир конвоя.

— Капитан.

— Конвой отходит в одиннадцать ноль-ноль, на сутки раньше графика. Распоряжение канцелярии Совета. — Он смотрел мне куда-то в переносицу. — Также по распоряжению кан-

целярии Совета на борт «Сиверны» принят пассажир. Должностное лицо, ответственное за доставку вас и материалов дела в столицу. Ему предоставлена каюта на вашей палубе. Он просил передать, что хотел бы вас поприветствовать.

— Кто?

Сэлл не ответил. Он отступил в сторону.

За ним, в коридоре, стоял невысокий плотный человек лет шестидесяти, в тёмной форме канцелярии Совета без знаков различия. Лицо у него было приятное, круглое, с мягкими складками у рта. Такие лица бывают у хороших врачей и у дедушек на семейных снимках. В руке он держал небольшой дорожный чемодан.

Я никогда его не видел. Но я видел его фамилию последней строкой в списке Крейна.

«Йорг Ульман, — сказала Сейв. — Коммандер. С девятнадцатых суток откомандирован в канцелярию Совета Двенадцати, старший референт. Прибыл на Сорель шесть суток назад курьерским судном».

Шесть суток назад. За два дня до того, как здесь прошёл крейсер Ардена.

За моей спиной Кастен вышла из своей каюты. Я услышал, как она остановилась.

— Доброе утро, генерал, — сказал Ульман. Голос был мягкий, приветливый, с лёгкой хрипотцой. — Доброе утро, Ирма. Давно не виделись.

Он чуть приподнял чемодан, словно извиняясь за то, что занимает место в коридоре.

— Я отвечаю за то, чтобы вы доехали, — сказал он.

Глава 3. Категория А

Ульман пригласил нас на чай в два часа дня, когда Сорель уже превратилась в жёлтую точку за кормой. Пригласил карточкой, написанной от руки, хотя сообщение на браслет шло бы долю секунды.

— Пойдём? — спросил я Кастен.

— Пойдём, — сказала она. — Не пойдём — решит, что боимся. Пойдём — решит, что хотим что-то узнать. Второе лучше.

— А мы хотим?

— Я хочу посмотреть, как он будет врать.

Салон второй палубы пустовал: кроме нас, пассажиров на «Сиверне» почти не было. Ульман сидел у панорамного окна, перед ним стояли чайник, три чашки и тарелка с печеньем. Он поднялся, когда мы вошли.

— Генерал. Ирма. Садитесь, прошу.

Он налил чай сам, никого не спрашивая: Кастен без сахара, мне одну ложку. Наверное, так пил Галактионов, когда не пил кофе с солью. Ульман девятнадцать лет сидел с ним на совещаниях.

— Избавлю нас от неловкости сразу, — сказал Ульман, садясь. — Вы видели мою фамилию в списке Тобиаса Крейна, последняя строка. Ключ транспортной сети, выдан лично, возвращён через два часа десять минут, за восемнадцать суток до сражения.

Я не ответил. Кастен тоже.

— Я помню этот день, — продолжил Ульман тем же мягким голосом. — Мне было поручено срочно передать по транспортной сети пакет документов. Ключ канцелярии флота был на плановом перевыпуске, без ключа пакет не уходил. Крейн выдал мне временный под мою подпись. Через два часа десять минут я его вернул. Всё в журналах.

— Какой пакет? — спросил я.

— Служебный.

— Кто поручил?

Ульман чуть развёл руками. Жест был извиняющийся.

— Генерал, это служебная информация канцелярии командующего флотом. Вы отстранены от командования, а я больше не служу во флоте Кальдеры. Я не имею права вам этого сказать. Но я хочу, чтобы вы знали: я вам сейчас не солгал ни в одном слове. Я вообще никогда не говорю неправду.

— Это редкое качество.

— Это экономия, генерал, а не качество. — Ульман взял печенье, повертел и положил обратно. — Неправду нужно помнить. Кому что сказал, сверять, следить, чтобы не разошлось. Огромная работа. Правду помнить не надо, она лежит в журналах. За сорок лет службы я ни разу не пожалел, что сказал правду. Иногда жалел, что сказал её не всю.

— Как сейчас.

— Как сейчас, — согласился он без тени смущения.

Я поставил чашку.

— Тогда скажите не всю, но скажите. Суточный комплект командующего.

Ульман не дрогнул.

— Кассета на неделю, — сказал он. — Комплектуется в медблоке, передаётся в канцелярию, оттуда вестовым. Три подписи: фельдшер, делопроизводитель канцелярии, вестовой.

— Делопроизводитель — ваш человек.

— Мой подчинённый, — поправил Ульман. — Девять лет в должности. Его фамилия Орсет, он остался в Кальдере, он в вашем деле, и его уже допрашивали. Генерал, я читал заклю-

чение по клотамиду. Я знаю, через что вас травили, и знаю, что это шло через бумаги, которые подписывали мои люди.

— И?

— И я этого не делал, — сказал он всё тем же мягким голосом. — Вы мне, разумеется, не верите, и я на вашем месте не верил бы тоже. Больше мне сказать нечего: у меня нет ни одного способа доказать, что я чего-то не делал. Это вообще нельзя доказать, вы знаете.

— Кто из девяти человек канцелярии не вернулся вместе с остальными?

— Я и делопроизводитель Велль, — сказал Ульман. — Перевод оформлен задним числом, и мне это нравится не больше, чем вам. Я подавал запрос, кто его подписал. Мне ответили, что сведения о кадровых решениях канцелярии Совета не разглашаются.

Он налил себе ещё чаю.

— Спрашивайте дальше, генерал. Я предпочитаю, когда спрашивают.

Дальше я спрашивать не стал. На всё, что я мог спросить, у него был ответ, который я не мог проверить, а каждый вопрос показывал ему, что я уже знаю.

Кастен поставила чашку.

— Йорг, — сказала она. — Вы девятнадцать лет подбирали штаб наследнику.

— Не наследнику, Ирма. Четырём командующим подряд, наследник четвёртый. Я подбирал хороших людей: за девятнадцать лет ни один офицер, которого я рекомендовал, не снят за непригодность. Можете проверить.

— Я проверю.

— Проверьте. — И добавил всё тем же тоном: — Вы ведь тоже попали к Галактионову не случайно.

Кастен не шевельнулась. Но я сидел рядом и видел, как у неё на секунду остановилось дыхание.

— Я попала к Галактионову по рапорту о переводе, — сказала она. — Который написала сама.

— Рапорт пишете вы, — сказал Ульман. — Резолюцию ставлю я. Ставил. Девять лет назад вы просились в штаб к коммодору Ларсу, Ирма. На должность заместителя начальника оперативного отдела. Я счёл, что у Галактионова вы будете полезнее. И не ошибся.

Он отпил чаю.

Одной фразой, мягко, мимоходом, он положил камень между мной и Кастен. Теперь я знал, что её путь к Галактионову прошёл через его стол, и он знал, что я это знаю, и знал, что я буду об этом думать.

Ульман ставил резолюции на сотнях переводов, и это не значило ничего. Но в голове уже щёлкнуло: она тоже его человек? Я отогнал мысль — не потому, что был уверен в Кастен, а потому, что видел, зачем мне её дали.

— Коммандер, — сказал я. — Зачем вы здесь?

— Я отвечаю за то, чтобы вы доехали, генерал. Вы и материалы. В столице я подпишу акт передачи, до этого момента за вас и за контейнер отвечаю я.

— Почему именно вы?

— Потому что я знаю дело лучше любого референта канцелярии. Девятнадцать лет вёл документы этого флота.

— Кто именно в канцелярии Совета это решил?

Ульман улыбнулся.

— Генерал, вы спрашиваете меня третий раз за пятнадцать минут, кто мне поручил. Я третий раз вежливо не отвечаю. Давайте условимся, что вы будете спрашивать каждый день, а я каждый день буду не отвечать. Так нам обоим будет спокойнее.

Мы вышли из салона через сорок минут. Кастен шла рядом молча до самой каюты. У двери остановилась.

— Это правда, — сказала она. — Про Ларса. Я просилась к Ларсу. Мне отказали, предложили Галактионова. Я не знала, что это решал он.

— Ирма.

— Я знаю, зачем он это сказал. — Она смотрела прямо перед собой. — Я просто хочу, чтобы вы знали, что это правда. Он не врёт. В этом и беда.

Утром я впервые прошёл опросный лист.

Список вопросов я составил накануне вечером. Получилось двадцать шесть пунктов. Сейв сказала, что это много, и что через неделю я начну пропускать. Я сказал, что знаю, и что пропускать буду всё равно меньше, чем если бы списка не было.

— Пункт первый. Что за сутки пришло, ушло или изменилось в документах, где упоминаюсь я.

«Одиннадцать позиций. Регистрация пассажира на "Сиверне". Уточнённый маршрут конвоя. Распоряжение канцелярии Совета о переносе отхода. Акт приёма на борт материалов дела. Присвоение категории груза…»

— Стоп. Какой категории?

«Категория А. Особо важный груз Совета. Присвоена контейнеру в вашей каюте вчера в десять пятьдесят две по коду старшего референта Ульмана. Носитель груза — лайнер "Сиверна"».

— Что это значит на практике?

«По Приложению семь к Уставу охранение в первую очередь прикрывает носитель груза высшей категории и не покидает позиций без приказа командира конвоя. Отдать такой приказ он вправе, только если угрозы носителю категории А нет».

— А госпитальные транспорты?

«Категория Б. Люди, перевозимые в лечебные учреждения. Приоритет ниже».

Я подумал.

Категория А для материалов Совета — это было логично. Если бы я сам распоряжался, я бы поставил ту же.

И всё-таки я сделал в голове зарубку. Метка, которая заставляет шесть чужих кораблей стоять там, где я нахожусь, — это не отметка в накладной, это приказ. Я подумал, что надо разобрать Приложение семь по пунктам, как я разбирал девятнадцатую статью. И тут же решил, что незачем: мы идём внутренними системами, под охраной сил сектора, и на этом маршруте полвека не было ни одного нападения.

— Пункт второй, — сказал я. — Дальше.

Я дошёл до двадцать шестого пункта, и ничего необычного больше не нашлось.

Про крейсер Ардена не было ни слова. Я спросил про него отдельно двумя сутками позже и только тогда понял, в чём дело: в моём списке стояли «материалы дела» и «конвой», а чужой крейсер в другом конце Империи не подходил ни под то, ни под другое. Я составил двадцать шесть вопросов и ни одним не спросил про человека, который вёз вторую половину моей страховки.

На вторые сутки после Сорели я побывал на «Тихой».

Конвой стоял четыре часа у второго узла, пока узел восстанавливал заряд после прохода торгового каравана, и капитан Сэлл разрешил пассажирам переходы на транспорты. Кастен осталась с контейнером.

«Тихая» внутри была похожа на одиннадцатый ярус «Терпения», только чище и тише. Койки в три яруса, гул вентиляции, запах антисептика. На койках лежали мои люди.

Старшая сестра, полная женщина лет пятидесяти с красными от недосыпа глазами, узнала меня у входа и не обрадовалась.

— Илга Морр, старшая по отсекам. Вы к кому-то конкретно?

— Нет. Посмотреть.

— Смотреть тут нечего. Четыреста восемь человек, сорок на искусственном дыхании, а я сплю по три часа. — Она посторонилась. — Смотрите, только не будите никого.

Я прошёл один отсек.

Меня узнавали. Не все: многие спали, многие были под препаратами. Но те, кто не спал, поворачивали голову. Один парень лет двадцати, с перевязанной головой и без левой руки, приподнялся на локте.

— Генерал. Матрос Ким Арс, «Ровный», батарея правого борта.

— Лежите, матрос.

— Я лежу. — Он не лёг. — Генерал, а правда, что вас в столице будут судить?

— Будут разбираться.

— Если будут судить, вы скажите, что мы видели, — сказал он. — Мы же всё видели. Нам по общему каналу говорили каждый раз.

Через две койки от него человек с забинтованным лицом отвернулся к переборке. Он не спал: я видел, как он отвернулся.

Ведра встретила нас в девять сорок утра третьих суток после Сорели.

Узловая система: тусклый красный карлик и четыре узла, через которые шёл почти весь транспорт между столицей и юго-западными секторами. Конвою предстояло за шесть часов пересечь её от восточного узла к северному.

Я стоял в обзорном салоне с Кастен и Вейлисом, Ульман читал в кресле у стены.

«Командующий, — сказала Сейв. — Внимание. Сорок одна отметка в секторе двести десять, дистанция четыре миллиона километров, идут на сближение. Опознавательные сигналы не выданы. Профиль — лёгкие рейдеры, двенадцать единиц с абордажными модулями».

На панорамном экране для пассажиров ничего не было.

— Покажи мне полную картину.

«У меня нет доступа к тактической сети конвоя: вы отстранены. Я вижу то, что видят открытые датчики лайнера и что передаёт открытый канал конвоя. Этого хватает для общей схемы».

Перед глазами у меня развернулась схема. Не такая подробная, как на «Терпении», но достаточно понятная.

Конвой шёл ромбом: в центре лайнер, справа и слева, в двухстах тысячах километров, «Тихая», «Кормчая» и «Мирный рейс», грузовики позади, четыре фрегата и два корвета плотно вокруг лайнера.

Сорок одна красная отметка шла с правого фланга. Прямо на транспорты.

— Время до контакта?

«Одиннадцать минут до дистанции огня по транспортам. Восемнадцать до лайнера».

Объявили тревогу: свет мигнул, на панорамном экране зажглась надпись «Оставайтесь на местах». Вейлис побледнел. Ульман отложил книгу.

Охранение не двигалось с места. Фрегаты и корветы сжимали кольцо вокруг «Сиверны». Ни один не пошёл к транспортам.

— Сейв, связь с командиром конвоя.

«Открытый канал конвоя. Капитан Сэлл на линии».

— Капитан, это Галактионов.

— Генерал, — голос Сэлла был сухой и напряжённый. — Вы пассажир. Я прошу вас освободить канал.

— Капитан, сорок одна отметка идёт на госпитальные транспорты. Охранение стоит у лайнера.

— Вижу.

— Транспорты без прикрытия. Там тысяча двести раненых.

— Я вижу, — повторил Сэлл. — Приложение семь, пункт два. Угроза носителю категории А не снята, противник может развернуться на лайнер в любой момент. Я не могу снять охранение с груза Совета ради транспортов категории Б. Если я это сделаю и с лайнером что-нибудь случится, меня будут судить, и справедливо.

Он был прав по каждой букве, и это было хуже всего.

Я обернулся. Ульман уже стоял.

— Снимите с контейнера категорию А. Сейчас.

— Снять категорию может канцелярия Совета по заявке должностного лица, — сказал Ульман. — Я это должностное лицо. Я подам заявку немедленно. — Он уже набирал заявку на браслете. — Заявка направлена. Срок рассмотрения в срочном порядке — от сорока минут.

— У нас одиннадцать.

— Я знаю, генерал. — Он смотрел на меня спокойно. — Быстрее я не могу. Процедура не зависит от меня.

Проверить это было нечем. Он сделал всё, что положено по правилам, и правила давали сорок минут.

«Девять минут до дистанции огня», — сказала Сейв.

Я смотрел на схему.

Охранение держится за лайнер. Лайнер ничего не значит сам по себе: Устав защищает не лайнер, а груз категории А. Лайнер просто корабль, в котором этот груз лежит. Если груз окажется в другом корабле…

Приоритет определяет не корабль. Приоритет определяет метка на грузе.

— Сейв. Контейнер опознаётся системами охранения по пломбе?

«Да. Пломба Совета содержит транспондер. Искины охранения отслеживают его положение и пересчитывают позиции, если он перемещается».

— Если транспондер окажется на «Тихой»?

Пауза. Короткая.

«Носителем груза категории А станет "Тихая". Охранение пересчитает позиции автоматически, без приказа командира конвоя. Это займёт от пяти до пятнадцати секунд».

— Шлюпка лайнера?

«Две, обе в готовности. Переход до "Тихой" — около четырёх минут на полной тяге».

Я повернулся к Кастен.

— Ирма. Я беру контейнер на «Тихую».

Она поняла сразу. Я видел, как она поняла: сначала глаза, потом губы.

— Я пойду.

— Нет. Пункт пятый: лично. Если его понесёт кто-то другой, это будет нарушение, и тогда всё, что внутри, можно будет оспорить в Совете.

— Генерал…

— А вы остаётесь здесь, — сказал я. — С Вейлисом и с коммандером Ульманом. Если со шлюпкой что-то случится, кто-то должен рассказать Совету, как это было. С чистыми руками.

Она стиснула зубы. Это были её собственные слова, сказанные мне перед откатом на девять-два, и она это знала.

— Генерал, — сказал Ульман. — Если контейнер будет утрачен при перемещении, это нарушение пункта пятого. Отвечать будете вы.

— Пункт пятый говорит: «лично и в целости», — сказал я. — Он не говорит, на каком корабле.

Ульман посмотрел на меня секунду. Потом кивнул, как кивают человеку, который правильно заполнил форму.

— Это верно, — сказал он. — Я внесу в журнал, что перемещение произведено лично вами при угрозе нападения.

Шлюпку вела пилот лайнера, женщина лет тридцати по фамилии Хейм. Она не задала ни одного вопроса: я ввалился с контейнером, она закрыла люк, сказала «держитесь», и через секунду меня вдавило в кресло так, что из лёгких вышел весь воздух.

«Пульс сто тридцать восемь, — сказала Сейв. — Хелатор завершил выведение, но мышца ещё не восстановлена. Рекомендую дышать».

— Я дышу.

«Вы задержали дыхание двадцать секунд назад».

Я выдохнул. Перед глазами плыло, и я подумал, что умереть сейчас от сердца было бы самой глупой смертью в истории Империи: генерал, переживший двадцать пять тысяч пиратов, скончался в шлюпке в обнимку с чемоданом.

«Три минуты до "Тихой". Противник на дистанции огня по "Мирному рейсу" через сорок секунд».

— Сколько до «Мирного рейса» от «Тихой»?

«Девяносто тысяч километров. Охранение, если пересчитает позиции на "Тихую", накроет и "Мирный рейс": он в той же группе».

Я смотрел на маленький экран шлюпки. Красные отметки уже были у транспортов. Первые вспышки — по «Мирному рейсу», по корме, по двигательному отсеку. Транспорт не военный, у него нет щитов, кроме противометеоритных.

«Попадание в "Мирный рейс". Разгерметизация кормового отсека».

Я ничего не мог сделать. Я сидел в шлюпке с чемоданом на коленях, и мне оставалось две минуты пути.

«Попадание. Второе. Разгерметизация второго лечебного отсека».

— Сколько там людей?

«Во втором лечебном отсеке "Мирного рейса" по списку тридцать восемь человек».

На последней минуте Хейм сбросила тягу так резко, что меня бросило на ремни. Лязг захвата, шипение выравнивания давления.

«Транспондер груза категории А зафиксирован на борту "Тихой", — сказала Сейв. — Охранение пересчитывает позиции».

На маленьком экране зелёные отметки фрегатов дрогнули и пошли. Все шесть. Разом, плавно, как стая. От лайнера к транспортам: четыре к «Тихой» и «Мирному рейсу», два к «Кормчей», которая шла дальше всех и которую рейдеры ещё не достали.

Двенадцать секунд.

Рейдеры заметили это через двадцать. Ещё через минуту два из них горели, а остальные разворачивались: они пришли за лёгкой добычей, а лёгкая добыча кончилась. Через восемь минут последняя красная отметка легла на курс к западному узлу.

Я сидел в шлюпке и не мог встать.

— Генерал, вы как? — спросила Хейм.

— Нормально.

— Вы белый, как стена.

— Это порода, — сказал я.

Она не засмеялась. Отстегнула мне ремни и помогла подняться.

Я вынес контейнер в коридор «Тихой» сам. Это было важно: лично. Там, у шлюза, я сел на него, потому что больше сесть было некуда, а ноги не держали.

Мимо бегали медики. В соседнем отсеке кто-то кричал. «Тихая» не пострадала, но на неё уже передавали раненых с «Мирного рейса».

Морр увидела меня, остановилась, посмотрела на контейнер, на моё лицо.

— Генерал. Вам плохо?

— Нет. Сколько на «Мирном рейсе»?

Она помолчала.

— Двадцать три, — сказала она. — Во втором лечебном. И двое наших. Санитары. Они были в отсеке, когда пробило.

Она сказала это и не отошла.

— Генерал, — сказала она. — Почему они стояли вокруг лайнера?

— Потому что на лайнере был я и документы, которые я везу.

Морр посмотрела на контейнер, на котором я сидел.

— Понятно, — сказала она и пошла дальше, и у неё это вышло хуже всякой ругани.

Двадцать пять человек.

Если бы я догадался на минуту раньше, их было бы меньше. А если бы двое суток назад, когда Сейв назвала мне эту категорию, я разобрал Приложение семь так, как разбирал девятнадцатую статью, у меня были бы те сорок минут, которых не хватило. Я тогда решил, что заниматься этим незачем.

Я сидел на контейнере, а мимо проносили людей.

Капитан Сэлл вызвал меня через час.

К этому времени я был уже на лайнере: Хейм отвезла меня обратно вместе с контейнером, на этот раз медленно. Кастен встретила у шлюза, ничего не сказала, только забрала контейнер и сама донесла его до каюты.

Сэлл появился на экране связи в моей каюте. За этот час он постарел на несколько лет.

— Я двенадцать лет вожу конвои, генерал. И ни разу за двенадцать лет мне не пришло в голову, что груз можно перенести.

— Устав защищает то, что вы ему назвали ценным, капитан. Хотите, чтобы он защищал людей, — назовите ценными людей. Напишите рапорт: госпитальным транспортам категорию А.

— Рассмотрят через полгода и откажут, — сказал Сэлл. — Потому что тогда категория А будет у половины конвоев и перестанет что-либо значить.

— Пишите всё равно. Мне тут недавно объяснили, что бумага остаётся в деле и кто-нибудь её когда-нибудь читает. Я повторяю чужие слова, капитан, но лучше не придумал.

Сэлл кивнул.

— Ещё одно, генерал. Мы сняли данные с одного из подбитых рейдеров. Навигационный журнал уцелел частично. Они ждали нас здесь двое суток. Точнее, они ждали нас в окне сорок минут. Мы вышли в середине этого окна.

— Они знали время.

— С точностью до получаса, — сказал Сэлл. — Генерал, расписание изменили позавчера утром, когда перенесли отход на сутки раньше. По старому они ждали бы нас завтра. Они знали новое.

После разговора я зашёл за Вейлисом и пошёл к Ульману.

Вейлиса я взял потому, что он один из нас троих когда-то работал по ту сторону, и потому, что человек, который всю жизнь принимал грузы, слышит в чужих объяснениях то, чего не слышу я.

Ульман сидел в своей каюте у стола и писал. Увидев нас, отложил ручку.

— Генерал. Мне жаль.

— Новое расписание конвоя. Кто его знал?

— Человек сорок, — ответил Ульман. — Штаб конвоя, диспетчерская Сорели, канцелярия Совета, капитаны, старшие помощники, штурманы. И я. Точное число вам даст капитан Сэлл, у него рассылка.

— Вы себя считаете в этих сорока?

— Разумеется, — сказал Ульман. — Было бы странно себя пропустить.

Я постоял.

— Коммандер, вы понимаете, как это выглядит. Вы присваиваете грузу категорию А. Охранение прилипает к лайнеру. Рейдеры, которые знают новое расписание, бьют по транспортам, которые остались без прикрытия.

— Я понимаю, как это выглядит, — сказал Ульман. — Теперь послушайте, как это выглядит с моей стороны. Я присвоил грузу Совета категорию, которую обязан был присвоить по инструкции; не сделать этого было бы нарушением. Рейдеры, которые на нас напали, — мелкая вольная компания. У них сорок один корабль и ни одного тяжёлого. Таким нужна лёгкая добыча: раненые офицеры, за которых родственники заплатят выкуп. На трёх транспортах шло двести девяносто офицеров. — Он сложил руки на столе. — А расписание конвоев, генерал, продаётся. Это неприятно, но это так. На любом крупном узле Империи есть люди, которые за деньги скажут вам, когда пройдёт конвой. Из тех сорока, по моей оценке, двое-трое продают такие сведения регулярно. Я не знаю кто. Я бы с удовольствием узнал.

Вейлис, стоявший у меня за плечом, медленно кивнул.

— Это правда, генерал, — сказал Вейлис тихо. — Расписания продаются. Я сам видел прейскурант. Шесть лет назад, на Разломе. Сведения о конвоях Империи по секторам, с ценами. Сектор Корсен стоил дороже всех.

Ульман посмотрел на Вейлиса с вежливым интересом, как смотрят на коллегу из другого отдела.

— Вот видите, — сказал он. — Это рынок, генерал, а не заговор. С заговором можно бороться. С рынком нельзя: на место одного продавца приходят двое.

Я вышел и долго стоял в коридоре.

Сейв проверила каждое его слово. Категория — по инструкции. Число знавших — сорок два, сошлось с рассылкой Сэлла. Рейдеры — мелкая компания. Расписания продаются, в прошлом году по этому поводу было четыре приговора.

Двадцать пять человек на «Мирном рейсе» умерли, и всё было по инструкции.

— Сейв, — сказал я. — В опросный лист. Пункт двадцать седьмой. Каждое утро: какие категории, приоритеты и метки присвоены за сутки чему-либо, что связано со мной, с материалами или с конвоем. И что эти метки заставляют делать других.

«Внесено».

— И отвечай мне так, как ответила бы, если бы тебя ничто не держало.

«Я попробую. Я не знаю, получится ли».

— Попробуй.

Эйрен показался на пятые сутки после Сорели.

Планета была затянута огнями так плотно, что ночная сторона светилась ровным золотом. Над ней три кольца орбитальных доков, одно над другим, тысячи кораблей и луна с дворцом Совета Двенадцати — белое пятно размером с небольшой город.

Я смотрел на это и чувствовал себя провинциалом, впервые попавшим в метро.

«Командующий, — сказала Сейв. — Причал назначен. Третье кольцо, сектор канцелярии Совета. Встречающие — четыре сотрудника канцелярии, офицер охраны Совета».

— А Арден? Он уже здесь?

Пауза.

«Нет, командующий».

— Что значит нет? Он ушёл с Сорели на четверо суток раньше нас. Он должен был прибыть трое суток назад.

«Крейсер "Строгий" в столицу не прибыл. Последний контакт — семьдесят один час назад, при входе в узел Кейн, последний узел курьерского маршрута перед столицей. На выходе из узла крейсер не зарегистрирован. Розыск объявлен сорок часов назад».

— Откуда ты это знаешь?

«Из служебной рассылки о розыске. Она идёт на все корабли, следующие через узел Кейн и смежные, в том числе на наше охранение. В открытых сводках об этом нет ничего».

Я стоял у иллюминатора и смотрел на золотую планету.

Арден. Копия. Контейнер в его личном багаже, который должен был сделать так, чтобы материалы не исчезли, если со мной что-нибудь случится.

За спиной у меня открылась дверь салона. Ульман вошёл, на ходу застёгивая форменную куртку.

— Генерал, мы швартуемся через двадцать минут. — Он посмотрел на меня и остановился. — Что-то случилось?

Я повернулся к нему.

Лицо у него было приятное, круглое, с мягкими складками у рта. Я смотрел на это лицо и впервые за пять суток не мог понять, знает он или нет.

— Крейсер наследника пропал, — сказал я. — Семьдесят один час назад. Вы знали?

— Нет, генерал, — сказал он после паузы, которая была ровно такой, какая бывает у человека, услышавшего новость.

И я не знал, первая ли это ложь за сорок лет его службы.

Глава 4. Опись

Империю я увидел с внутренней стороны стекла, через которое не выпускают.

«Сиверна» пришвартовалась к третьему кольцу в двенадцать сорок. Нас встретили четверо сотрудников канцелярии и офицер охраны Совета, провели по переходу, усадили в закрытый транспорт без окон и повезли куда-то вниз, на планету. Я успел увидеть только причал: белый, вылизанный, с полированным полом, по которому шли люди в штатском и в форме двенадцати разных фасонов.

Потом был час в транспорте, спуск, шлюз, коридор, лифт, ещё коридор.

Я привык к кораблям, где всё подчинено одному: лететь и стрелять. Здесь всё было подчинено тому, чтобы человек шёл туда, куда его ведут, и не задавал вопросов. Это делалось не силой. Это делалось дверями, которые открываются по одной, и коридорами без ответвлений.

— Сейв, — сказал я. — Где мы?

«Административный комплекс канцелярии Совета Двенадцати. Сорок два здания, подземные уровни, двадцать девять тысяч служащих. Мы на третьем подземном уровне, в приёмной части».

— А дворец Совета?

«На луне. Отсюда триста восемьдесят тысяч километров».

Триста восемьдесят тысяч. Двенадцать человек, которые правят Империей, сидят отдельно от всех, кто на них работает. Я подумал, что это разумно. Так меньше ходят друг к другу поговорить, а значит, всё идёт бумагами, а бумаги можно читать.

Приёмная часть оказалась залом с низким потолком и двадцатью окошками, перед каждым из которых стояла очередь.

Я впервые за три недели засмеялся вслух.

— Генерал? — Кастен посмотрела на меня.

— Простите. Это очередь.

— Это приёмная часть канцелярии Совета.

— Это очередь, Ирма. — Я смотрел на людей у окошек: офицеры, чиновники, двое в одежде, которую я не опознал, старик с папкой под мышкой. — Я двадцать пять тысяч пиратов пережил, чтобы постоять в очереди.

Очередь, впрочем, оказалась не моя.

Нас провели мимо, в боковой коридор, в комнату номер четырнадцать, где стоял стол, четыре стула, весы и сканирующая рамка. За столом сидел молодой человек лет двадцати пяти, с аккуратным пробором и таким выражением лица, с каким садятся за работу, которую любят.

— Генерал флота Галактионов? Делопроизводитель Йен Фенн, приёмная часть. — Он встал и тут же сел. — Материалы при вас?

Кастен поставила контейнер на стол.

Дальше два часа происходило то, что я бы в любой другой жизни назвал скучным.

Фенн сверил пломбы. Сфотографировал их. Внёс номера. Вызвал второго сотрудника как свидетеля вскрытия. Вскрыл. Переписал содержимое. Взвесил контейнер пустым и полным. Снял с меня показания о том, что контейнер не вскрывался в пути, и отдельно — о том, что он перемещался на борт госпитального транспорта «Тихая» при нападении, с указанием времени и причины.

Ульман сидел у стены и не вмешивался. Один раз он сказал: «Йен, по форме двенадцать нужна ещё отметка о носителе», — и Фенн сказал: «Спасибо, коммандер», и поставил отметку.

Потом Фенн развернул ко мне акт.

Я прочитал его и перечитал.

Акт был на одну страницу. В нём было шесть строк:

1. Контейнер служебный, опечатанный - 1 шт.

2. Носитель информационный - 1 шт.

3. Ключи доступа транспортной сети - 4 шт.

4. Документы на бумажном носителе - 11 л.

5. Носитель информационный (копия журнала) - 1 шт.

6. Папка с материалами личного характера - 1 шт.

— Что такое «папка с материалами личного характера»? — спросил я.

— Папка, которую вы предъявили шестой позицией, — сказал Фенн. — Там записи от руки, не на служебных бланках, без номеров и печатей. Такое проходит как материалы личного характера.

Триста двенадцать рапортов за девятнадцать лет. Двадцать три умерших. Девять от сердца.

Материалы личного характера.

— Фенн, — сказал я. — Это опись?

— Это акт приёма-передачи.

— Я спрашиваю про опись. Где указано, что именно находится на носителе в первой строке.

Фенн посмотрел на меня с некоторым недоумением.

— Генерал, на носителе сто девяносто тысяч записей. Опись содержимого информационного носителя не составляется. Описывается носитель.

— А если носитель окажется пустым?

— При вскрытии я проверил, что он читается, и внёс контрольную сумму. — Он показал мне строку мелким шрифтом внизу. — Вот. Если содержимое изменится, сумма не сойдётся.

— А если носитель потеряется?

— Тогда будет служебное расследование, — сказал Фенн уже тише.

— По факту утраты чего?

— По факту утраты носителя информационного, одна штука.

Вот оно.

В этих шести строках была знакомая вещь. Я видел её десятки раз в чужом коде и несколько раз в своём собственном, и каждый раз она выглядела безобидно.

Данные, у которых нет имени, не существуют. Есть ссылка на объект, объект лежит где-то в памяти, и пока на него кто-то смотрит, всё хорошо. Но стоит ссылке оборваться, и объекта просто нет. Никто даже не узнает, что он был: в журнале останется строка «объект, 1 шт.», и по ней ничего не восстановишь.

Чтобы вещь нельзя было потерять бесследно, у неё должно быть имя. Не одно на всех — своё у каждой части.

— Фенн, — сказал я. — Я прошу составить поимённую опись содержимого.

— Генерал, это не предусмотрено формой.

— Что именно не предусмотрено?

— Опись содержимого носителя, — повторил он терпеливо. — Так не делается. Вы представляете, сколько это займёт? Сто девяносто тысяч записей.

— Я не прошу описывать сто девяносто тысяч записей. — Я подтянул к себе лист. — Я прошу внести в акт двадцать две фамилии из списка Тобиаса Крейна, с должностями и датами. Четыре ключа — с их номерами и сроками продления. Отпечаток родовой подписи — шестнадцать байт, их можно записать в строку. И четырнадцать фамилий из папки шестой позиции, по которым есть заключение о смерти.

— Зачем?

Он спросил это без вызова. Ему правда было непонятно.

— Затем, что сейчас у меня на руках документ, по которому я сдал два куска железа и одиннадцать листов, — сказал я. — Я вёз их через три узла, и за них по дороге погибли двадцать пять человек. Если через месяц окажется, что носитель не читается, никто не сможет сказать, что на нём было. А если в акте стоят двадцать две фамилии, то их уже нельзя сделать небывшими. Даже если носителя не станет.

Фенн отвёл глаза и снова посмотрел на меня.

Он был молодой и исполнительный, и я видел, что в нём борются две вещи: форма, в которой этого не предусмотрено, и то, что я сказал, и что было очевидно верным.

— Я не могу своей властью, — сказал он наконец. — Это решает старший советник.

Старший советник приёмной части Арн Вент оказался человеком лет пятидесяти, в хорошем костюме, с внимательным и усталым лицом. Он пришёл через двадцать минут, выслушал Фенна, потом меня, потом посмотрел на акт.

— Генерал, — сказал он. — Я понимаю, чего вы хотите. Я не могу этого сделать.

— Почему?

— Потому что состав приложения к акту определяет форма двенадцать. — Он сказал это без раздражения, как говорят о погоде. — Я не вправе вносить в неё произвольные сведения. Если я начну это делать, через год у меня в приёмной части будут акты на сорок страниц, потому что каждый второй захочет перечислить своё поимённо. Это не каприз, это необходимость: мы принимаем в сутки восемьсот позиций.

— Восемьсот в сутки, — повторил я.

— Восемьсот.

Я посмотрел на Ульмана.

Он сидел у стены всё в той же позе, положив руки на колени, и смотрел на меня с мягким вниманием. Поймав мой взгляд, он чуть склонил голову набок.

— Коммандер, — сказал я. — Вы девятнадцать лет вели документы флота. Подскажите мне форму.

— Какую форму, генерал?

— Ту, по которой это можно.

Ульман помолчал ровно столько, сколько нужно, чтобы стало понятно: он знал её с самого начала.

— Советник прав, — сказал он. — В форму двенадцать вносить нельзя. — Он поднялся и подошёл к столу. — Но постановление Совета по вашему делу, пункт второй, предписывает вам прибыть для личного доклада. Личный доклад — это документ, который готовите вы, а не канцелярия. К нему прилагается перечень материалов, на которые вы ссылаетесь. Форма перечня свободная, объём не ограничен, и канцелярия обязана принять его и зарегистрировать вместе с докладом. Это не приложение к акту. Это часть вашего доклада Совету.

Вент медленно выпрямился.

— Это так, — сказал он. — Это действительно так.

— Генерал, — сказал Ульман, — вам никто не мешал составить такой перечень в дороге. Вы, вероятно, не знали, что такая возможность есть.

— Не знал, — сказал я.

— Теперь знаете.

Я смотрел на него и в третий раз за пять суток не мог решить, что сейчас произошло.

Он подсказал мне ход, который превращал мои материалы из «носителя, 1 шт.» в двадцать две фамилии, зарегистрированные в канцелярии Совета. Человек, чья фамилия стоит в этом списке двадцать второй.

Он мог рассчитывать, что я и так до этого дойду, и решил не выглядеть препятствием. Он мог хотеть, чтобы список попал в канцелярию: например, потому, что знает, кто его там

прочитает. Он мог просто быть тем, кем себя называет, — человеком, который никогда не врёт и всю жизнь работает с формами.

— Спасибо, коммандер, — сказал я.

— Не за что, генерал. Я отвечаю за то, чтобы вы доехали. Вы доехали. — Он посмотрел на часы. — Акт я подписываю. С этой минуты материалы на ответственности канцелярии, а не на моей.

Он подписал и вышел, и в комнате стало как-то просторнее.

Перечень мы писали шесть часов.

Нам отвели комнату на втором этаже гостевого дома: стол, четыре стула, окно во внутренний двор. Я диктовал, Кастен проверяла, Вейлис считал. Сейв держала контрольные суммы на каждую позицию, чтобы на любую строку можно было показать, откуда она взялась.

На третьем часу Кастен остановила меня.

— Генерал. Вы диктуете фамилии подряд.

— А как надо?

— По алфавиту, — сказала она. — Или по датам. Сейчас они идут в том порядке, в каком вы их узнавали, и по этому порядку видно, как вы думали. Кому надо, тот прочитает ваш ход мысли быстрее, чем сам перечень.

Я посмотрел на страницу. Крейн, Ульман, Касп, потом ключи, потом Талмир, потом журнал Валена. Хроника моей собственной догадки, разложенная по строчкам.

— Переписываем по датам.

— Переписываем по датам, — согласилась она. — И ещё. Уберите слово «предположительно». Оно у вас восемь раз. Из восьми в пяти случаях у вас есть документ.

— А в трёх нет.

— В трёх оставьте. Пусть будет видно, что вы отличаете одно от другого.

Получилось двадцать девять страниц. Двадцать две фамилии из списка Крейна с должностями и датами выдачи ключа. Четыре ключа с номерами, сроками и основаниями продления. Отпечаток в шестнадцать байт, записанный цифрами, с указанием, где он совпал. Четырнадцать фамилий из журнала Валена Корсена — те девять, что умерли от сердца, и пять, умерших иначе, но с фамилией в рапорте. Даты, входящие номера, отметки.

Ближе к концу Вейлис отложил карандаш.

— Генерал, — сказал он. — Я тридцать лет составляю описи. Вы понимаете, что вы делаете?

— Скажите.

— Вы составляете опись, в которой перечислены люди, — сказал он. — Обычно в описи вещи. Я за всю жизнь ни одной такой не видел.

Я посмотрел на страницы.

Он был прав, и я не сразу сообразил, что мне это напоминает. А потом сообразил.

Переборка одиннадцатого яруса, в два слоя листов. Разные почерки. «Группа "Четыре", сектор 11. Коридор был. Не пошли».

Там люди делали то же самое, что я делал сейчас, и по той же причине. Чтобы нельзя было потерять бесследно.

— Вейлис, — сказал я. — Допишите в конце строку. «Перечень составлен с участием: Галактионов А., генерал флота; Кастен И., коммандер; Вейлис Д., интендант». И распишитесь.

Вейлис поднял голову.

— Я пленный, генерал.

— Вы автор половины этих цифр. Если вас не будет в перечне, первый же поверенный скажет, что цифры взялись ниоткуда.

— Если я буду в перечне, — сказал Вейлис, — я буду в нём как человек, который четырнадцать лет вёл расчёты с пиратами.

— Да.

— И кто-нибудь это прочитает.

— Обязательно прочитает, — сказал я. — Иначе зачем мы всё это писали.

Вейлис взял карандаш и расписался. Расписывался он долго, как человек, который двенадцать лет не ставил подписи ни под чем, кроме приёмных ведомостей чужого флота.

Кастен отнесла перечень в приёмную часть в десять вечера. Фенн принял его, зарегистрировал и выдал расписку с номером. На этом, как я тогда думал, день кончился.

Разместили нас в гостевом доме канцелярии: шесть этажей, внутренний двор с подстриженными кустами, вежливые люди в холле и охрана, которая объяснила, что сопровождение предоставляется для нашего удобства.

Моё удобство выглядело так: двое сопровождающих при выходе из здания, маршрут согласовывается накануне, на территорию комплекса — по пропуску, за пределы комплекса — по отдельному разрешению. Кастен могла ходить свободно. Вейлис не мог выходить вообще.

Комната мне досталась угловая, с двумя окнами, и первые полчаса я ходил по ней и трогал вещи. Кровать была широкая, с настоящим бельём. В ванной была ванна. На столе стоял графин с водой и два стакана, и кто-то каждое утро менял в нём воду, хотя я из него не пил.

За три недели на «Терпении» я привык к койке, к которой надо пристёгиваться, и к тому, что вода идёт двадцать секунд, а потом надо нажать ещё раз. Здесь вода шла, пока не закроешь кран. Я стоял и смотрел, как она течёт, и думал о том, что на одиннадцатом ярусе её в это время выдают по норме, потому что три опреснителя из шести так и не починили.

— Домашний арест, — сказал я.

— Мера обеспечения прибытия, — сказала Кастен. — Генерал, не ищите оскорбления там, где его нет. Если бы вас хотели посадить, вас бы посадили. Это гостевой дом канцелярии. Тут в прошлом году жил наместник Внешних систем.

— И что с ним стало?

— Его оправдали.

— Уже лучше.

— Через четырнадцать месяцев.

Вечером Вейлис рассказывал мне, как устроена канцелярия Совета.

Он сидел на подоконнике с кружкой и говорил медленно, как человек, который объясняет новичку склад.

— Вы думаете, генерал, что в канцелярии сидят заговорщики. Их там, может, трое. А работают там двадцать девять тысяч человек, и почти все честные, и в этом вся беда.

— Объясните.

— Бумага приходит в приёмную часть, — сказал Вейлис. — Фенн регистрирует её честно. Дальше она идёт в профильную комиссию. В комиссии референт честно готовит справку. Справку честно подписывает советник. Советник честно докладывает председателю комиссии. Председатель честно вносит вопрос в повестку. Повестку честно формирует секретариат. — Он отпил. — Вопросов в повестке сто сорок, времени — четыре часа. Секретариат честно расставляет их по срочности. Ваш вопрос не срочный, потому что ничего не горит: флот уже погиб, люди уже умерли, и ещё месяц ничего не изменит. Он уходит в конец. На следующем заседании история повторяется.

— И никто ничего не сделал.

— Никто ничего не сделал, — согласился Вейлис. — Вот почему я говорю: заговорщиков трое. Им не нужно ничего ломать. Им нужно всего лишь нигде не мешать. Система сама утопит что угодно, если её не подталкивать. Подталкивать надо только то, что хочешь вытащить.

Я смотрел в окно на подстриженные кусты.

Двести восемьдесят девять рапортов «без рассмотрения». Я-то думал, что кто-то девятнадцать лет аккуратно их душил. А их никто не душил. Их просто не подталкивал никто, кроме авторов, а авторов было легко уволить или дождаться, пока у них остановится сердце.

— Вейлис, а что подталкивает?

— Деньги и смерть, — сказал Вейлис. — Если вопрос стоит кому-то денег прямо сейчас, им занимаются немедленно. Если по вопросу кто-то умер и это попало в ленты, им занимаются тоже. Остальное ждёт.

— А если я начну подталкивать?

Вейлис поставил кружку на подоконник.

— Тогда станет видно, кто придерживает, — сказал он. — Это единственный известный мне способ. Беда в том, что он работает в обе стороны: пока вы толкаете, видно и вас.

Ночью я спал четыре часа и проснулся от тишины.

На корабле всегда есть звук. Гудит вентиляция, где-то работает насос, за переборкой идёт вахта, раз в полчаса что-то щёлкает. Я три недели засыпал под это и перестал замечать.

Здесь было тихо. Совсем. Я сел на кровати, потому что мне спросонья показалось, что отказало жизнеобеспечение.

— Сейв. Почему так тихо?

«Мы на планете, командующий. Здесь атмосфера снаружи».

Я полежал ещё.

За двадцать четыре дня я ни разу не подумал о том, что бываю снаружи. Что воздух может быть просто так и его никому не надо чинить.

Утром я прошёл опросный лист.

Двадцать семь пунктов заняли девятнадцать минут. Почти по всем было пусто: регистрация в гостевом доме, пропуска, подтверждение приёма материалов, уведомление о назначении даты доклада.

— Какой даты?

«Личный доклад Совету Двенадцати назначен на одиннадцатые сутки от сегодняшнего. Уведомление поступило в шесть сорок».

Одиннадцать суток. Я ждал, что будут недели.

— Пункт девятый. Что нового по розыску «Строгого»?

«Розыск продолжается. Обследован выход из узла Кейн в радиусе двух миллионов километров. Обломков, сигналов бедствия и спасательных капсул не обнаружено. К розыску привлечены девять кораблей сил столичного округа».

— Пункт двадцать седьмой. Категории, приоритеты и метки за сутки.

«Три позиции. Вам присвоен статус "лицо, вызванное для доклада" с ограничением перемещения. Материалам дела присвоен регистрационный номер по входящим канцелярии. И третье: материалы переданы из приёмной части в профильную комиссию для подготовки справки к докладу».

Я замер.

— В какую комиссию?

«В комиссию по снабжению при канцелярии Совета Двенадцати».

Я встал и прошёлся по комнате.

Комиссия по снабжению. Та самая, куда девятнадцать лет уходили рапорты от генерального инспектора сектора Корсен. Та, которая по двумстам восьмидесяти девяти из трёхсот двенадцати написала «оставить без рассмотрения ввиду недостаточности оснований».

Материалы по делу о хищениях в снабжении уходят в комиссию по снабжению. По правилам. Иначе и быть не могло: это её профиль. Если бы я сам распределял входящие, я бы отправил их туда же.

— Сейв. Кто готовит справку?

«Назначение референта мне недоступно. Открыты только председатель комиссии и состав: девять членов, шестьдесят четыре сотрудника аппарата».

— Председатель?

«Советник Данис Орлем, род Дамел. В должности четыре года».

Род Дамел. Те, у кого я сорвал квартальный график перевозок, и те, через чью станцию четырнадцать лет шла оплата флотилиям.

— Хорошо, — сказал я вслух, хотя ничего хорошего не было. — Сейв, следующий вопрос. Перечень к моему докладу уже зарегистрирован?

«Зарегистрирован вчера в двадцать два ноль девять. Копии разосланы по рассылке на доклад: секретариат Совета, двенадцать представительств родов, комиссия по снабжению».

— Двенадцать представительств родов.

«Да. Это стандартная рассылка материалов к личному докладу».

Я сел на край кровати.

Двадцать две фамилии, четыре ключа, отпечаток и четырнадцать смертей вчера вечером ушли во все двенадцать родов сразу. В том числе в тот род, чей ключ стоит в отпечатке. В том числе в тот, через чью станцию шли поставки. В том числе в мой собственный.

Ульман подсказал мне форму, по которой это произошло.

Он сказал правду. Перечень действительно нельзя потерять. Теперь он лежит в тринадцати местах, и ни одно из них я не контролирую.

— Сейв, — сказал я. — Это хорошо или плохо?

«Я не знаю, командующий. Я могу назвать последствия».

— Назови.

«Первое. Содержание материалов перестало быть тайной. Все, кто упомянут, узнают об этом в ближайшие сутки. Второе. Утратить материалы бесследно теперь невозможно. Третье. Если кто-то из упомянутых намерен действовать, он будет действовать немедленно, потому что времени у него больше нет».

Я кивнул.

Это был тот самый размен, который я уже делал в Кальдере, когда объявил по общему каналу, что меняю редакцию Устава. Потерять скрытность и взамен получить свидетелей. Тогда это сработало.

Тогда я, правда, знал, против кого играю.

В дверь постучали в одиннадцать.

На пороге стоял человек в тёмно-синем, которого я никогда не видел: лет сорока, крепкий, с коротко стриженной головой и спокойным лицом. На груди у него была узкая серебряная полоска с гербом: глаз в треугольнике.

Мой герб.

— Генерал Галактионов. Тойн Белаш, старший поверенный Палаты рода Корсен. — Он чуть поклонился. — Глава рода просит вас к себе сегодня вечером. Не официально. Семейно.

Я смотрел на полоску с гербом у него на груди.

Двадцать четыре дня я носил этот знак на пальце и не думал о нём. Он был частью чужого тела, как шрам на кисти и сломанный нос. А теперь оказалось, что за ним стоят Палата поверенных, четыреста двенадцать человек, у которых один герб со мной, и человек, который этих четыреста двенадцать распределяет.

Я стоял в дверях.

— Передайте, что я благодарю и приду.

— Я провожу вас в девятнадцать тридцать. — Белаш помедлил. — Генерал, позвольте от себя. Я читал ваш перечень сегодня в семь утра. Его читают сейчас во всех двенадцати представительствах.

— И что говорят?

— В нашем — ничего не говорят, — сказал Белаш. — В нашем молчат с семи утра. Я двенадцать лет в Палате и такого не помню.

Он ушёл.

Я закрыл дверь, постоял и вернулся к столу, на котором лежала копия акта приёма-передачи. Шесть строк. «Носитель информационный, 1 шт.»

— Сейв. Последний вопрос по листу. Что-нибудь ещё поступило по делу за сутки?

«Одна позиция, командующий. Я собиралась доложить её в порядке списка».

— Докладывай.

«В акте приёма-передачи, графа "основание приёма", указан не только пункт пятый постановления Совета. Указан также запрос комиссии по снабжению о представлении материалов по делу, номер и дата. Я сверила дату».

— И?

«Запрос комиссии по снабжению зарегистрирован семьдесят один час назад».

Я медленно поднял голову.

Семьдесят один час назад крейсер «Строгий» вошёл в узел Кейн и не вышел из него.

Кто-то затребовал оригинал в тот самый час, когда перестала существовать копия.

Глава 5. Семейно

До Старого круга мы ехали сорок минут, и первые тридцать я смотрел в окно.

Машина была наземная, с настоящими окнами, и Белаш не стал возражать, когда я опустил стекло. В лицо ударил тёплый воздух с запахом нагретого камня, пыли и чего-то сладкого, цветочного.

Эйрен жил.

По тротуарам шли люди. Открытые веранды, за столиками сидели и ели. Дети. Двое мальчишек лет десяти дрались из-за чего-то у фонтана, и третий снимал это на браслет. Женщина выгуливала животное, похожее на длинную рыжую собаку. На углу стоял лоток, и от него тянуло жареным.

Я смотрел на это и не мог собрать в одно.

Двадцать пять суток назад в системе Кальдера погибли двести четырнадцать тысяч человек. Здесь это не отразилось ни на чём. Фонтан работал, мальчишки дрались, у лотка стояла очередь из четырёх человек. Если бы я не знал, я бы не догадался, что Империя только что потеряла флот.

Так и должно быть. Я сам сказал губернатору Ириса, что убежища — это правильно и что люди должны сидеть под землёй, пока наверху работают. Здесь было то же самое, только наоборот: люди жили наверху, потому что кто-то за них отработал внизу.

И всё-таки это было странно смотреть.

— Генерал, — сказал Белаш. — Вам нехорошо?

— Нормально. Давно не видел улицу.

— Двадцать пять суток?

— Двадцать четыре года, — сказал я и сразу понял, что сказал лишнее.

Белаш не повернул головы.

— Служба, — сказал он.

Особняк рода Корсен в Старом круге оказался трёхэтажным, из тёмного камня, с глухой стеной к улице и садом внутри. Никакой охраны у ворот я не заметил, хотя она, конечно, была. Над входом висел герб: глаз в треугольнике, выложенный тусклым серым металлом, из которого делают родовые кольца.

По дороге Белаш коротко изложил мне, кто будет в доме.

Никого. Глава рода отменил всё, что было назначено на вечер, включая приём делегации верфей, которую ждали три месяца. В доме будут только он, я и прислуга, которая служит роду в третьем поколении.

— Это необычно? — спросил я.

— Это небывало, генерал, — сказал Белаш. — Глава рода не отменяет приёмы. Он их переносит, и то за неделю.

Кастен осталась в машине. Она сама так решила.

— Это семейное, — сказала она. — Я не семья. Если я войду, он будет говорить с вами через меня, а мне надо, чтобы он говорил с вами напрямую, и чтобы вы потом рассказали мне, как именно.

— А если я что-то упущу?

— Вы запомните всё, — сказала она. — Вы всегда всё запоминаете. Меня беспокоит другое.

— Что?

— Что вы поверите, — сказала Кастен и закрыла дверь машины.

Ансельм Корсен ждал меня в саду.

Это был крупный, тяжёлый старик лет семидесяти, с широкими плечами, которые с возрастом ссутулились, и с большими руками, лежавшими на коленях. Лицо широкое, с тяжёлыми веками и глубокими складками у рта. Он сидел в плетёном кресле под деревом, в домашней куртке, без всяких знаков рода, и перед ним на низком столике стояли два стакана и кувшин.

Когда я подошёл, он не встал. Он поднял голову, посмотрел на меня снизу вверх и долго молчал.

— Сашка, — сказал он наконец.

Я остановился.

Я был готов к «генералу». Я был готов к «Александру». Я прокрутил в голове пять вариантов разговора и ни в одном из них не было этого.

— Садись, — сказал Ансельм Корсен. — Ты стоишь, как на докладе. Сядь.

Я сел.

Он налил мне из кувшина — что-то холодное, кисловатое, с мякотью — и подвинул стакан через стол.

— Пей. Это с юга, свои присылают. — Он смотрел, как я пью. — Исхудал. Сколько ты весишь?

— Не взвешивался.

— Не взвешивался он. — Ансельм покачал головой. — Вален написал мне, что ты выглядишь как человек, которого вынули из могилы и забыли отряхнуть. Вален редко так пишет.

Я поставил стакан.

— Глава рода.

— Ансельм, — сказал он. — Мне семьдесят два года и я тебя помню вот таким. — Он показал рукой на уровне подлокотника. — Твой отец привозил тебя на летний совет. Ты тогда залез на дерево вон там, в углу, и не слезал четыре часа, потому что тебе было стыдно. Что-то ты натворил, я уже не помню что. Ты помнишь?

«Сейв», — подумал я.

«Данных нет, командующий».

— Смутно, — сказал я.

— Да и я смутно. — Он отпил из своего стакана. — Сорок лет прошло. Ладно.

Он поставил стакан и положил руки на колени.

— Я прочитал твой перечень, — сказал он. — Сегодня в семь утра, вместе со всеми. У меня в Палате восемнадцать поверенных, и все восемнадцать с семи утра сидят над ним.

— И что они говорят?

— Они говорят, что ты сумасшедший, — сказал Ансельм. — Они говорят, что отстранённый генерал, находящийся под вызовом Совета, вчера вечером разослал в двенадцать представительств документ, в котором поимённо названы двадцать два человека, упомянут родовой ключ одного из Двенадцати и перечислены четырнадцать покойников. Они говорят, что так не делает никто.

— И они правы.

— Они правы. — Он кивнул. — Я сказал им, что это лучшее, что сделал кто-либо из нашего рода за последние двадцать лет.

Я молчал.

Я, честно говоря, не знал, что на это сказать.

За двадцать пять суток я слышал в свой адрес многое. Кастен сказала, что ошиблась в том, за кого меня приняла. Вейр сказала, что будет злиться всегда. Дарн сказал, что трое были лучше меня. Арден сказал, что я преступник и что он ничего не может с этим сделать.

Никто не сказал мне, что я сделал хорошо.

Я сидел в чужом саду, в теле сорокашестилетнего человека, и чувствовал, как у меня горят уши, как в четырнадцать лет, когда тренер впервые сказал, что из меня выйдет толк.

— Ты не понял, — сказал Ансельм, глядя на меня. — Я не говорю, что ты поступил умно. Умно было бы отдать материалы Валену, взять поверенных и три месяца сидеть тихо. Я говорю другое. Ты их разослал, и теперь это нельзя отменить. Вот это у нас в роду не делали двадцать лет.

— Почему?

— Потому что род Корсен — это сенсоры и разведка, — сказал он. — Мы умеем видеть. Мы прекрасно всё видим, мальчик мой, и видим давно. Мы просто никогда ничего с этим не делаем, потому что у нас три верфи, одиннадцать заводов, сорок тысяч семей на содержании, и каждый раз, когда надо выбрать между «сказать» и «не потерять», мы не теряем.

Он произнёс это спокойно, без горечи.

— Я двадцать два года глава рода, — сказал Ансельм. — Я ни разу не сделал того, что ты сделал вчера вечером. Поэтому я тебя и позвал.

Мы сидели в саду часа два.

Он почти не спрашивал про Кальдеру. Один раз спросил, правда ли, что я отпустил четырнадцать тысяч кораблей, и, услышав «правда», кивнул и больше к этому не возвращался. Про яд спросил, как болит. Я сказал, что уже не болит. Он сказал: «Врёшь», и я сказал: «Вру».

Один раз он спросил про Валена.

— Как он тебе?

Я подумал, прежде чем ответить.

— Он мне показался человеком, который девятнадцать лет делал свою работу безупречно и ни разу не вышел за её границы.

— Это он и есть, — сказал Ансельм. — Он у нас в семье всегда был такой. Отец считал, что из него выйдет глава рода, а не из меня: он аккуратнее, умнее и не врёт. А потом отец посмотрел, как Вален в девятнадцать лет три дня не мог решить, какую из двух одинаковых комнат занять, и передумал.

Он усмехнулся, и усмешка вышла невесёлая.

— Я его туда и поставил, — сказал он. — Девятнадцать лет назад. Должность генерального инспектора сектора — это место, где ничего нельзя сделать и всё видно. Для Валена лучше не придумаешь: он видит и не мучается, что не делает, потому что по должности не положено. — Ансельм повернул ко мне голову. — Я тогда думал, что устраиваю брату спокойную жизнь.

— А теперь?

— А теперь я думаю, что девятнадцать лет держал самого внимательного человека в секторе на должности, где он только расписывается в получении.

Зато он долго и подробно объяснял мне Совет.

— Двенадцать мест, — сказал он. — Всё остальное — украшение. Император арбитр, он не голосует, он подписывает. Комиссии — это где на самом деле всё решается, потому что Совет собирается шесть раз в год и утверждает списком то, что комиссии подготовили. Главных комиссий четыре: по Уставу-ядру, по снабжению, по верфям и по внешним делам. Остальные девятнадцать — для тех, кого надо чем-то занять.

— Комиссия по Уставу.

— Девять мест, — сказал Ансельм. — Сейчас занято шесть. Остран потерял своё после Вельде, Хеллор после Хорна, Вейр после Сариса. Освободившиеся три не переданы никому: по правилу, место, освободившееся по итогам потерь, остаётся вакантным до пересмотра квот. Пересмотр — через четверо суток, внеочередное заседание. — Он посмотрел на меня. — И вот тут, Сашка, начинается интересное.

— Арден.

— Арден, — кивнул он. — Род Арден потерял в Кальдере две трети флота сектора. По формуле представительства, которую приняли одиннадцать лет назад, место в комиссии удер-

живается при наличии боеспособного флота не ниже определённого порога. У Ардена сейчас ниже порога. Через четверо суток у Ардена заберут четвёртое место.

— И в комиссии останется пять родов из девяти.

— Пять родов на девять мест, — сказал Ансельм. — А решения принимаются большинством от присутствующих. Пять голосов. Из них три — Талмир, Дамел и Северин, которые последние четыре года голосуют одинаково.

Я поставил стакан.

— Трое из пяти.

— Трое из пяти, — согласился он. — Три рода из двенадцати получают полный контроль над документом, по которому воюют все имперские флоты. Любая правка, любая редакция, любая статья. Без них ничего не пройдёт, с ними пройдёт что угодно.

Я смотрел на кувшин с мякотью на дне.

Вот оно. То, что я искал в Кальдере и назвал «чисткой комиссии». Я думал об этом как о мести или как о расчистке места. А это была арифметика. Простая, медленная, рассчитанная на годы: не захватывать голоса, а убирать тех, кто голосует.

Если бы я играл за эту сторону, я бы считал точно так же. Не нужно двенадцать мест. Нужно, чтобы на заседании сидело пятеро, из которых трое твои.

— Сколько ещё до большинства? — спросил я.

Ансельм посмотрел на меня из-под тяжёлых век, и я увидел, что он доволен вопросом.

— Правильно спрашиваешь, — сказал он. — Уже. Через четверо суток — уже. Если Арден теряет место, трое получают три из пяти в тот же день.

— Тогда зачем Мельна, Кадис и Тарсо?

— А вот это, — сказал Ансельм, — я тебе не отвечу. Я сам думаю об этом четвёртые сутки.

Он налил себе ещё.

— Моя догадка такая, — сказал он. — Три из пяти — хрупко. Если хоть один род восстановит флот, всё рассыплется. Остран строит быстрее всех, у него верфи. Хеллор может поднять производство торпед и вернуть порог за полтора года. Поэтому их бьют по снабжению: не чтобы убить, а чтобы не дать встать. — Он помолчал. — Но это догадка, и она мне не нравится, потому что из неё следует, что это надолго. Что бить будут ещё.

— Вы говорили это кому-нибудь?

— Кому, Сашка? — Он усмехнулся. — Совету? Я приду и скажу: мне кажется, что роды Талмир, Дамел и Северин нанимают пиратов, чтобы жечь чужие флоты. У меня нет ни одной бумаги. У меня есть чутьё семидесятидвухлетнего старика. Меня вежливо выслушают, и на следующем заседании Корсен потеряет два контракта.

— А теперь у вас есть бумага.

— Теперь у меня есть твой перечень, — сказал Ансельм. — Поэтому я и говорю, что ты сделал лучшее, что сделал кто-либо из нашего рода за двадцать лет. Не потому, что ты храбрый. Потому, что ты вчера вечером заставил меня перестать быть осторожным. Я не мог начать сам. А теперь уже началось, и я могу только решать, с какой я стороны.

Он поставил стакан и впервые за весь разговор посмотрел на меня прямо, не из-под век.

— Я с твоей, — сказал он. — Это я и хотел тебе сказать. Остальное — подробности.

— Можно вопрос? — сказал я.

— Нужно.

— Вы сказали: «мы прекрасно всё видим и давно». Что именно вы видели?

Ансельм посмотрел в сад.

— Четыре года назад мы потеряли контракт на сенсорные комплексы для флотов сектора Талмир, — сказал он. — Нас не выгнали, нас пересидели: тендер трижды переносили, пока у нас не кончился срок сертификата, и выиграл Талмир сам у себя. Я тогда велел посмотреть,

кто ещё за три года потерял контракты по той же схеме. Получилось семь родов. Все семь — те, кто в разное время голосовал против технических правок Талмира в комиссии.

— И вы ничего не сделали.

— Я поднял цену и продал им сенсоры дороже, — сказал Ансельм. — Я глава рода, Сашка, а не следователь. У меня тогда было сорок тысяч семей и ни одной бумаги.

— А теперь сорок тысяч семей и бумага.

— А теперь, — сказал он, — ещё и мальчик из младшей ветви, который уже всё разослал, и у меня нет выбора, в какую сторону быть осторожным.

Подробности заняли час.

Палата поверенных рода бралась вести моё дело полностью и бесплатно, как ведёт дела любого члена рода. Белаш назначался старшим. Никаких условий о передаче материалов не было: Ансельм сказал про это одной фразой — «я послал тебе глупое предложение через Валена, ты правильно отказался, забудь», — и больше к этому не возвращался.

Дальше он перечислил, что род может и чего не может.

Может: дать поверенных, потребовать присутствия представителя рода на любом закрытом заседании по моему делу, оспорить любую процедуру, внести запрос в комиссию. Может потребовать медицинское освидетельствование и приобщить его к делу.

Не может: отменить отстранение, вернуть меня в строй, повлиять на статью первую, часть третью. Самовольное изменение редакции Устава — это измена, и род не вправе заступаться за изменника, иначе род становится соучастником.

— По первому основанию я тебя не вытащу, — сказал Ансельм. — Там всё написано твоей рукой. Что мы можем — это сделать так, чтобы дело не кончилось быстро и тихо. Быстро и тихо — это расстрел через четыре месяца, и все забудут. Медленно и шумно — это у тебя годы, а за годы случается всякое.

— Вы говорите это человеку, которого травили ядом.

— Я говорю это человеку, которого травили ядом, — согласился он. — Поэтому дополнительно: с завтрашнего дня при тебе будет человек Палаты. Врач. Не телохранитель, Сашка, телохранителя тебе канцелярия не позволит. Врач. Он будет брать у тебя кровь каждые двое суток и хранить пробы в трёх местах.

Я не нашёлся что сказать.

Это было ровно то, что я собирался просить. Я готовил формулировки и думал, как объяснить, чтобы не выглядеть трусом.

— Спасибо, — сказал я.

— Не благодари. Это дёшево. — Он поморщился. — Дорогое начнётся через четверо суток.

Когда стемнело, он сказал про Ардена.

Сказал не сразу, а в конце, когда я уже встал. Он тоже поднялся — тяжело, упираясь руками в подлокотники, — и сказал, глядя мимо меня, в сад:

— Крейсер наследника нашли.

Я остановился.

— Где?

— В системе Кейн, в семи часах хода от узла. — Ансельм говорил медленно. — Выгорели два кормовых отсека и реакторная. Корабль дрейфовал без хода и без связи трое суток. Нашли сегодня в четырнадцать часов, мне сказали в шестнадцать.

— Люди?

— Из четырёхсот двадцати — сто девять живых.

Я стоял в темнеющем саду и считал.

Триста одиннадцать человек. Экипаж крейсера, который вёз копию материалов, потому что я придумал, что хранить всё в одном месте нельзя.

— Арден?

— Жив, — сказал Ансельм. — В тяжёлом состоянии, без сознания. Его сегодня привезут сюда, в госпиталь Совета.

— Что говорят о причине?

— Пока говорят «авария реакторной группы». — Ансельм посмотрел на меня. — Сашка. Я не специалист. Но я тебе скажу, что мне не нравится. Крейсер проекта «Строгий» — это корабль рода Арден с четырёхконтурной защитой реакторной группы. За девятнадцать лет эксплуатации этого проекта было две аварии реакторной, обе на верфях, при монтаже.

— Багаж наследника?

— Я спросил. — Он помолчал. — Мне ответили, что личные вещи офицеров из выгоревших отсеков не идентифицируются.

— Каюта наследника в кормовом отсеке?

— Каюта наследника, — сказал Ансельм, — в носовой части. Выгорела корма. Личный багаж наследника, по описи, хранился в его каюте.

Мы постояли.

— То есть каюта цела.

— Каюта цела, — сказал Ансельм. — А багажа в ней нет. Мне это сказали так, между прочим, третьим пунктом. Если бы я не спросил два раза, я бы не заметил.

Я смотрел в тёмный сад и думал о том, что копия ехала отдельно специально для такого случая, и что человек, который это устроил, тоже знал про такой случай и поэтому не стал ничего взрывать в носовой части.

— Они не искали бумагу, — сказал я. — Они её взяли. А потом подожгли корму, чтобы было, на что списать трое суток дрейфа.

— Я тоже так подумал, — сказал Ансельм.

— Вы кому-нибудь это говорили?

— Нет, и ты не говори. — Он взял меня за локоть, и рука у него была тяжёлая. — Сашка. Слушай меня. Завтра начнут говорить, что крейсер взорвали пираты, и это будет очень удобно всем: Ардену, Совету, комиссии. Не спорь с этим вслух. Пусть говорят. Твоё дело — доклад через одиннадцать суток. Если ты сейчас начнёшь кричать, что наследника пытались убить свои, тебя объявят невменяемым, и, между прочим, у них есть медицинское основание: ты был отравлен.

Он проводил меня до ворот.

У самых ворот, уже прощаясь, он сказал:

— Я рад, что они хоть медикаменты не трогали.

Я повернулся.

— Что?

— Медикаменты, — сказал Ансельм. — Твой пленный говорит, что они за четырнадцать лет ни разу не брали медицинское. Это единственное хорошее, что есть во всей этой истории. Я подумал об этом сегодня и, знаешь, успокоился немного. Значит, там у них наверху всё-таки есть человек, а не счётная машина.

Он похлопал меня по плечу и пошёл обратно в сад.

Я сел в машину.

— Ну? — сказала Кастен.

— Потом.

Мы проехали минут десять, прежде чем я понял, что меня беспокоит.

«Сейв, — подумал я. — Перечень. Там есть что-нибудь про медикаменты?»

«Нет, командующий. Перечень содержит двадцать две фамилии списка Крейна, четыре ключа, отпечаток родовой подписи и четырнадцать фамилий из журнала генерального инспектора. Сведений о номенклатуре изъятий в перечне нет».

«А где они есть?»

«В протоколе допроса Дорна Вейлиса от двадцатых суток. Протокол входит в состав материалов дела, переданных канцелярии. Фраза "медицинское не трогаем" содержится в протоколе дословно».

«Кому доступен протокол?»

«Приёмной части канцелярии, комиссии по снабжению, следственной службе Совета. При подготовке защиты — Палате поверенных рода по запросу».

Вот и объяснение. Белаш сказал, что Палата с семи утра сидит над делом. Палата имеет право запросить материалы. Восемнадцать поверенных за день прочитали всё и доложили главе рода, и он к вечеру знал содержание протоколов. Это законно, обычно и делается именно так.

Я повторил это себе дважды, и оба раза оно звучало разумно.

И всё равно где-то под рёбрами осталась мелкая заноза, которую я не мог вытащить: он не сказал «ваш пленный показал». Он сказал «твой пленный говорит». В настоящем времени, как говорят о том, с чем работают сейчас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.